

INSPIRIA

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ
2021 ГОДА НА AMAZON

ЗЕРКАЛЬНАЯ СТРАНА

«Сестры-близнецы и пугающий
старый дом... Красиво написано».

СТИВЕН КИНГ

КЭРОЛ ДЖОНСТОН

INSPIRIA

Ток. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер

Кэрол Джонстон

Зеркальная страна

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.6

ББК 84(4Вел)-44

Джонстон К.

Зеркальная страна / К. Джонстон — «Эксмо», 2021 — (Ток. Urmarket Crime Fiction. Больше чем триллер)

ISBN 978-5-04-170769-9

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ 2021 ГОДА НА AMAZON. Мрачный, готический, клаустрофобный психологический триллер, основанный на детских фантазиях и страхах. Самые страшные истории – те, что мы рассказываем сами себе... Вестерик-роуд, 36 – старый каменный дом на окраине Эдинбурга. Мрачный и таинственный, с узкими извилистыми коридорами и темными нишами. Но главная его тайна – та, что надежно укрылась среди стен. Зеркальная страна – яркий воображаемый мир, придуманный сестрами-близнецами Кэт и Эл в детстве. Их единственное укрытие... Но от чего? Сейчас Кэт за тридцать. Она давно не общается с сестрой и редко вспоминает о прошлом. Но узнав, что одним солнечным утром Эл покинула эдинбургскую гавань на своей парусной лодке и пропала, Кэт вынуждена вернуться на Вестерик-роуд... Что бы ни случилось, девушка уверена: сестра не умерла. Она бы это почувствовала. Она бы знала... За двадцать лет дом ничуть не изменился. На каждом шагу Кэт поджидают зловещие призраки прошлого. Кто-то шлет ей загадочные имейлы с подсказками, следуя которым, она всегда находит очередную спрятанную страницу из дневника Эл. И эти страницы, одна за другой, возвращают девушку назад в Зеркальную страну. Туда, где скрывается правда и где ей придется столкнуться с ужасающей реальностью своего детства. Детства, которое было совсем не таким идиллическим, как она помнит... «Мне очень понравилось. Темный и изощренный роман... сестры-близнецы и пугающий старый дом... Красиво написано. А сюжет выстроен с точностью часовщика». – Стивен Кинг «Темное, хитросплетенное и очень атмосферное исследование силы воображения». – Рут Уэйр «Тревожное повествование-лабиринт». – New York Times «Трудно поверить, что это первый роман Джонстон. Он гладкий и законченный; пропитан готическим саспенсом, но при этом не сваливается в мелодраму. Вот писатель, на которого стоит

обратить внимание». – Globe and Mail «Держитесь крепче – вы встретите множество хитросплетений в этом захватывающем рассказе о предательстве и мести, памяти и воображении, а также о тонкой грани между любовью и ненавистью». – Amazon Book Review «Этот роман захватит всё ваше внимание». – Daily Mail

УДК 821.111-312.6

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-170769-9

© Джонстон К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	9
ЧАСТЬ I	11
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

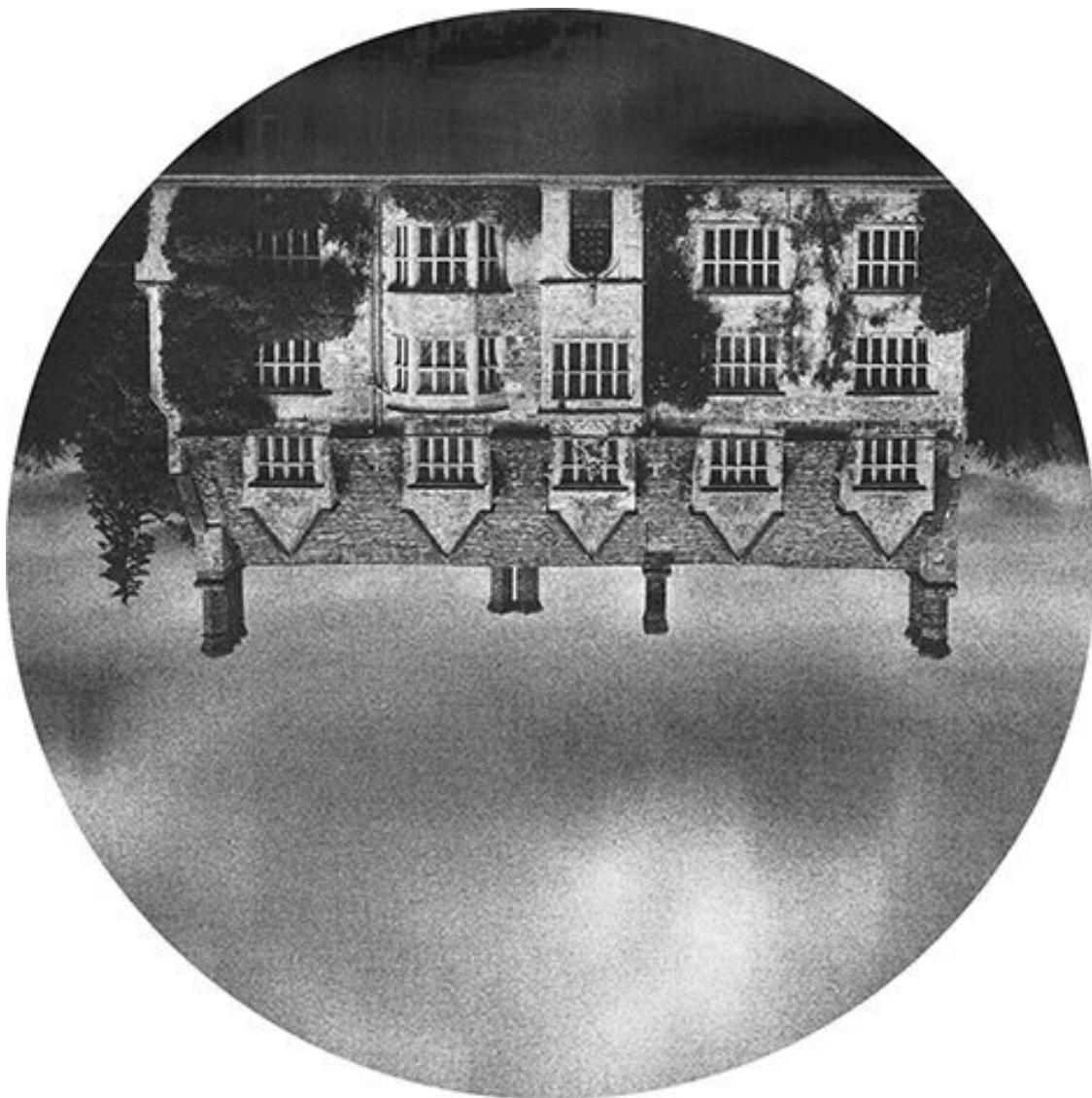
Кэрол Джонстон

Зеркальная страна

© Целовальникова Д.Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

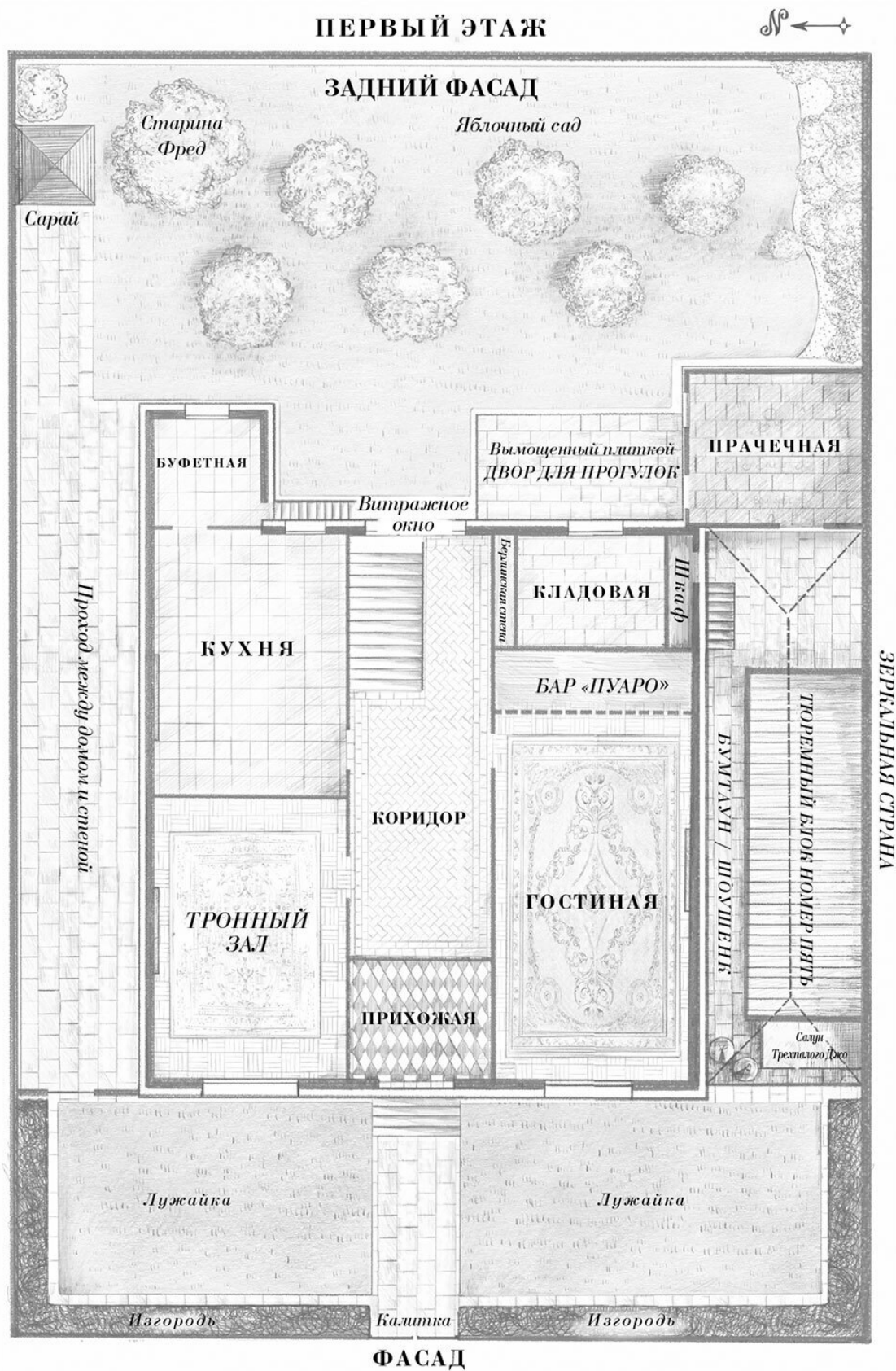
* * *

Посвящается Лорне

*Если сравнить горести реальной жизни с удовольствиями жизни
вымышленной, то не захочешь жить, лишь грезить вечно.
Александр Дюма «Граф Монте-Кристо»*

*Выбор всегда прост: либо начни жить, либо начни умирать.
Стивен Кинг «Побег из Шоушенка»*

ЗАДНИЙ ФАСАД

*Витражное
окно*

ФАСАД

Пролог

5 сентября 1998 года

Небо пылало розовым. Лучше розовое, чем красное, напомнила Эл, когда нам снова стало страшно. Как любил повторять наш дедушка, «солнце красно поутру – моряку не по нутру; солнце красно к вечеру – моряку бояться нечего». Холодный ветер крепчал. По лицу Эл текли слезы, а я никак не могла унять дрожь.

Мы держались за руки и шли на запах моря, пока ряды многоэтажек не слились в один огромный мрачный дом, где жили убийцы детей. Мы никого не видели и не слышали – будто снова очутились в Зеркальной стране. Напуганные, зато невредимые.

Между тем запах моря усиливался. В гавани пахло тавотом, мазутом, металлом и солью. Чайки просыпались и кукарекали, словно петухи. Мы остановились возле темного деревянного склада. Перед ним были кран, с которого на ржавых цепях свисал крюк, и каменистый склон, исчезающий под водой.

Наступил прилив – единственное время, когда можно выходить в открытое море.

Эл крепче сжала мою руку, и мы оглядели качающиеся на волнах круглые буи, длинные понтоны, белые яхты с дребезжащими железными мачтами и танкер на горизонте. Ничего подходящего. Мы пришли сюда не за этим.

Я порылась в рюкзаке, достала мамину пудреницу и промокнула щеки Эл.

– У тебя глаза красные, – прошептала я.

– А у тебя кровь идет, – напомнила сестра охрипшим голосом, хотя в ту ночь больше кричала я.

– Чего это вы, девчонки, делаете тут посреди ночи? – В слепящем свете фонаря стоял незнакомец, выглядевший именно так, как говорила мама: морщинистый, щербатый, с седой косматой бородой. Старый морской волк.

– Я – Эллис, – сказала Эл и впилась мне в руку ногтями, хотя ее голос оставался спокоен, как вода в гавани. – Это моя сестра-близнец, Кэтриона.

– Да ну?

Старик, пошатываясь, подошел ближе, и от него пахло ромом. Я храбро расправила плечи, стараясь не обращать внимания на выпрыгивающее из груди сердце.

– Мы ищем пиратский корабль – хотим наняться в команду.

Незнакомец выругался – дедушка тоже использовал это слово, хотя больше любил другие выражения, – и отпрянул. Глаза его вытаращились, как на ритуальной маске племени гребо из Кот-д'Ивуара, что в Западной Африке. Мы видели такую в дедушкиной энциклопедии.

– Стойте тут, никуда не уходите!

– Корабль скоро отплывает? – прокричала ему вслед Эл, но он уже скрылся в тени склада.

Дверь скрипнула и со стуком захлопнулась. Эл взглянула на меня, закашлялась и выпустила мою руку.

– Ой, Кэт, мы совсем забыли про твой свитер!

Я так перепугалась, что перестала дышать. Уронив рюкзак, сбросила пальто и при помощи Эл принялась поспешно стягивать через голову свитер, словно тот кишел пауками. Мокрая тряпка упала на каменистую землю, и на меня пахло кислым, теплым запахом.

– Что будем делать? – с тревогой спросила Эл. – Он же скоро вернется!

Сестра обежала склад, нашла ржавое причальное кольцо и начала привязывать к нему свитер, затягивая рукава морскими узлами. Я бросилась помогать, хотя замерзшие пальцы почти не слушались. Забросив свой груз подальше в беспокойные воды гавани, мы с Эл поднялись по каменистому склону, едва переводя дух и изо всех сил стараясь не плакать.

Внезапно ветер переменился и оттолкнул нас от края. Мне снова почудился запах крови: кислый и темный.

– Бывалый моряк не покинет порт в пятницу, – прошептала я.

– Сегодня суббота, балда! – напомнила Эл, крепко сжав мою руку.

Но я знала, что ей так же страшно, как и мне, и тоже хочется вернуться.

– Думаешь, справимся, Эл?

Мы смотрели на гавань, на маленький островок Инчкит, на танкер на горизонте. Дрожа от холода, держались за руки и стояли так близко, что слышали биение сердец друг друга, а над Северным морем медленно вставало солнце, заливая небо багрянцем. На лице сестры расплывалась широкая страшная улыбка, которую она сдерживала, пока мы брели в темноте по бесконечным пустым улицам. Ее не смогла стереть ни сирена, ни скрип и хлопанье двери склада. Эл продолжала улыбаться как ни в чем не бывало.

– Мы не покинем друг друга никогда-никогда. Повтори!

– Никогда, – прошептала я.

– До тех пор, пока мы живы!

Раздались шаги, кто-то громко выругался. Свет фонаря ослепил нас, и мы больше не видели гавань, только друг друга. Эл сжала мою руку еще крепче, и я нервно сглотнула, наблюдая, как ее улыбка становится резче и постепенно исчезает.

– Мы о вас позаботимся, – заверил уже другой мужчина, не Старый морской волк.

Женщина с добрыми глазами и не таким слепящим фонариком шагнула к нам, протягивая руку.

– Теперь все будет хорошо!

* * *

В тот день и началась наша вторая жизнь.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Когда сестра умерла, меня не было с ней рядом.

Звонил Росс, оставил с десяток голосовых сообщений – одно отчаяннее другого. Я слушала знакомый голос, за годы ничуть не изменившийся, и едва понимала, о чем он говорит.

Томительное семичасовое ожидание в аэропорту Джона Кеннеди сводит с ума, и я включаю ноутбук. Сажу в шумном бистро, забыв про свой чизбургер, и прокручиваю три репортажа на сайте новостей Би-би-си для Эдинбурга, Файфа и Восточной Шотландии. Наверное, мне должно быть стыдно, что первым делом я смотрю на фотографию Росса и уже потом на жирный заголовок: «Тревога за пропавшую женщину из Лейта растет».

Первое фото озаглавлено: «День первый, третье апреля», хотя на нем уже ночь. В кадре Росс шагает вдоль невысокой каменной стены гавани между двумя серебристыми фонарными столбами. Он явно взволнован: плечи сгорблены, кулаки сжаты. Фотографу удалось поймать в кадр яркие огни оранжево-синего судна спасателей, лицо Росса обращено к застывшей яростной волне, разбивающейся о причал. В своих сообщениях он упоминал, что вскоре после исчезновения Эл разыгрался шторм... Можно подумать, я не отвечала на звонки лишь из-за того, что не знала этой ужасной подробности!

Прежде чем отваживаюсь посмотреть первое видео, я выпиваю два бокала мерло в темном, уютном баре подальше от шумного бистро. «День второй, четвертое апреля». И даже тогда, увидев на экране фото Эл – сестра в шелковой блузке заразительно смеется, запрокинув голову, волосы оттенка серебристый блонд, стрижка боб, – я морщусь, нажимаю на паузу и закрываю глаза. Эту позу она называла «чертова девственница». Смущенно провожу по своим спутанным отросшим волосам. Допиваю вино, заказываю еще, и официант смотрит на экран моего ноутбука так долго и пристально, что я опасаюсь, не хватил ли его удар. Потом, конечно, понимаю, в чем дело. Он думает, что фото мое. Заголовок над ним гласит: «Эллис Маколи жива или мертва?»

Я вынимаю наушники и поясняю:

– Это моя сестра-близнец.

– Сожалею, мэм, – говорит официант с ослепительной улыбкой, и в его голосе не звучит ни капли сожаления.

Постоянные улыбки и вечное «мэм» меня выматывают, прямо-таки приводят в бешенство. Вот уж по чему я не буду скучать, покинув Америку! При мысли об этом мне становится только хуже. Вспоминаю свою квартиру на Пасифик-авеню с окнами на шумную веселую набережную и Пляж мускулов. Жаркие ночи в клубах, где пот буквально струится по стенам. Бирюзовая прохлада океана, который я просто обожаю...

Отпиваю большой глоток вина, снова надеваю наушники, включаю видео. Фото Эл сменяется изображением девушки-репортера: молодая и серьезная, лет двадцати с небольшим, волосы яростно треплет ветер.

– Утром третьего апреля жительница Лейта Эллис Маколи, тридцати одного года, вышла на яхте из Грантона, что в заливе Ферт-оф-Форт, и больше ее не видели.

Камера отъезжает от яхт-клуба, чтобы показать на западе железнодорожный и автомобильный мост в Куинсферри, затем поворачивается на восток к скалам возле Эрлсферри и Норт-Берика. Между ними – серый залив, на противоположном берегу – пологие холмы Кингхорна и Бернтайленд. И снова гавань: на волнах качаются круглые буи, длинные плаву-

чие причалы, белые парусные яхты с дребезжащими мачтами. Я вздрагиваю, увидев пологий каменистый спуск к воде. Другой кран, старого склада уже нет.

Это же та самая гавань! За пару десятков лет она почти не изменилась. По спине пробегают холода. Страх не отпускает меня с тех самых пор, как на телефон хлынул поток голосовых сообщений. Я снова тянусь к бокалу и с облегчением вижу, что камера переключается с гавани на записи со спасательных судов и вертолетов.

– Тревогу подняли, когда Эллис Маколи не вернулась в яхт-клуб «Роял Форт» и стало ясно, что она не добралась до места назначения в Анструтере. К поискам привлекли береговую охрану и Национальное королевское общество спасения на воде, но их работу значительно затруднили плохие погодные условия.

В камеру пристально смотрит мужчина – щекастый, почти лысый и серьезный, как и репортер, с нездоровым блеском в глазах. Руки сложены на груди над огромным животом, внизу экрана надпись: «Джеймс Патон, руководитель поисково-спасательной операции береговой охраны Ее Величества, Абердин».

– Мы знаем, что Эллис Маколи была опытным яхтсменом...

Да неужели? Первый раз слышу!

– Однако, учитывая скорость ветра в заливе утром третьего числа, мы предполагаем, что женщина пропала часов за шесть до того, как подняли тревогу. – Руководитель операции умолкает, и, хотя его снимают выше пояса, видно, что он меняет положение ног, становясь в позу ковбоя, и пожимает плечами. – За последние семьдесят два часа температура в заливе не превышала семи градусов Цельсия. В таких условиях человек вряд ли продержится на воде дольше трех часов.

«Вот урод», – думаю я. В голове звучит голос Эл.

Камера возвращается к девушке-репортеру, делающей вид, что ее ничуть не заботит испорченная прическа.

– Итак, учитывая ухудшившиеся погодные условия, в конце второго дня поисков надежда на благополучное возвращение Эллис Маколи стремительно тает.

Экран заполняет фото Эл с Россом на отдыхе – оба загорелые, сверкают белозубыми улыбками; он обнимает ее за плечи, она запрокидывает голову, готовая рассмеяться. Понимаю, почему репортаж такой подробный. Красивая пара. Они смотрят друг на друга так, словно очень голодны и одновременно довольны. От их близости мне становится не по себе, от вина появляется изжога.

Беру телефон, открываю погоду. Для меня Эдинбург по-прежнему на втором месте после Венис-Бич. Никогда не задумывалась, почему всегда смотрю его метеосводку. Шесть градусов и сильный дождь. Всматриваюсь в темноту за окном, вдали маячат белые линии взлетно-посадочных огней.

В Великобритании всего шесть утра, но уже есть новое видео: «День третий, пятое апреля». Не буду смотреть! Я и так знаю, что ничего не изменилось. Эл не нашли, да этого никто и не ждет. Внизу еще одна заметка, опубликовали меньше двух часов назад. «Муж-доктор пропавшей женщины из Лейта теряет надежду». При виде фотографии у меня перехватывает дыхание. На Росса больно смотреть. Он сидит на корточках у невысокой стены, прижав колени к подбородку. Рядом с ним стоит мужчина в длинной куртке с капюшоном и что-то говорит, но Росс явно не обращает на него внимания. Он смотрит на залив, рот полуоткрыт, зубы стиснуты в стоне отчаяния и невыносимого горя.

Со стуком захопываю ноутбук и залпом допиваю вино. На меня оборачиваются. Руки дрожат, в глазах печет. Перелет из Нью-Йорка в Эдинбург долгий, но недостаточно. Я отдала бы все что угодно, лишь бы не возвращаться никогда!

Встаю, беру ноутбук, бросаю на стол двадцатку и иду в другой бар – больше не вынесу непрестанных «мэм» официанта. На ногах я держусь нетвердо; наверное, стоило съесть тот

чизбургер... Неважно. Уже ничего не важно. На меня все еще оборачиваются, и я гадаю, не сказала ли это вслух. Потом понимаю, что иду и трясую головой. Я должна верить, что ничего не изменилось, что мой страх и гнетущая паника ничего не значат. Вспоминаю Эдинбург, Лейт, серый каменный дом с решетчатыми переплетами окон на Уэстерик-роуд. Вспоминаю бабушку с щербатой улыбкой – и немного успокаиваюсь. «Вся эта чепуха и яйца выеденного не стоит, цыпа».

Когда сестра умерла, меня не было в Эдинбурге. Я не ждала рейса в аэропорту Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Я не сидела на кованом балконе съемной калифорнийской квартиры с видом на Тихий океан, потягивая цинфандель так, словно тут мне самое место.

Когда сестра умерла, меня не было нигде, потому что она вообще не мертва!

Глава 2

Я стою на тротуаре, пока автобус не исчезает из виду. То ли погодное приложение на айфоне слетело, то ли погода наладилась: день холодный и солнечный, на небе ни облачка. Пронизывающий ветерок со стороны города доносит запахи дыма, омнибусов, пивоварен, горящего угля. Странное чувство: вроде все знакомое и в то же время другое. Дома и дорога все те же, супермаркет «Колкохун» тоже на своем месте – в цокольном этаже жилого здания. Налетает ледяной бриз, ерошит мне волосы. Стараюсь не вспоминать слова напыщенного спасателя с замашками ковбоя. Наверное, в море гораздо холоднее, чем здесь...

Дом тридцать шесть на Уэстерик-роуд ничуть не изменился. Железная ограда с калиткой, ровная лужайка, обсаженная живой изгородью, посередине дорожка. Мрачный симметричный фасад, облицованный серыми кирпичами, и высокие, узкие решетчатые окна. Две боковые каменные стены, белые глиняные балясины и красная деревянная дверь.

Оступаю и резко оглядываюсь. Никого. Сердце колотится как бешеное. Через дорогу – ряд жилых домов из красного песчаника, которые мы с Эл прозвали Пряничный курятник. Узкие стандартные коттеджи с белыми дверными и оконными рамами, на подоконниках стоят ящики с анютиными глазками и петуньями. Какой резкий контраст по сравнению с мрачным серым домом напротив... Ощущение, что за мной наблюдают, усиливается, волосы на затылке встают дыбом.

Снова поворачиваюсь к дому под номером тридцать шесть, открываю калитку, иду по дорожке, поднимаюсь по четырем каменным ступеням и вижу красную металлическую скребницу для обуви перед приоткрытой парадной дверью. Однажды я спросила у мамы, почему его не называют Красный дом; та удивленно моргнула и посмотрела на меня как на дурочку. Думая о ней теперь, я не могу вспомнить больше ничего, кроме этого взгляда.

«Это Зеркальный дом. Совсем как ты с Эллис. Совсем как Зеркальная страна».

Вероятно, когда-то мы с Эллис обладали такой же непреклонной симметрией, как и этот дом, однако ничто не остается неизменным вечно. Толкаю дверь, захожу в прихожую. Черно-белая плитка в шахматном порядке, темные дубовые панели и неожиданно малиново-красные стены. Закрываю глаза и слышу тяжелый лязг засова. Вспышка черной тьмы. «Беги!» Испуганно оглядываюсь, но дверь открыта, и в нее льется теплый солнечный свет.

Поворачиваю бронзовую ручку второй двери, ловлю в ней отражение своего испуганного лица и оказываюсь собственно в холле; вдали маячит изгибающаяся тень лестницы. Старый ковер исчез, на его месте – сверкающий паркет. Солнце проникает сквозь фрамугу над дверью, и я отчетливо вижу себя в детстве: сижу в пятне света на кусачем ковре, скрестив ноги, и читаю дедушкину энциклопедию.

Стены холла завешены декоративными тарелками, маленькими и большими, с рельефными и позолоченными краями: зяблики, ласточки, малиновки на зеленых ветвях, на голых ветвях, на заснеженных ветвях. Высокий дубовый телефонный столик и дедушкины часы именно там, где и были всегда – по бокам двери в гостиную. И хотя это кажется странным и даже невероятным, ведь прошло почти двадцать лет, они всё так же стоят на страже. Запах совершенно не изменился: старое дерево, старые вещи, старые воспоминания. Мое недоверие сменяется неожиданным облегчением с примесью вполне понятной тревоги. Набираю полную грудь воздуха, и вдруг внутри словно высвобождается и рвется наружу странное чувство, отчасти похожее на страх – хрупкое, с острыми краями и в то же время теплое. Оно глубокое, как океан, у него свои ожидания. По большей части я рада вернуться. Я рада, что все здесь осталось прежним, как бы невероятно это ни звучало.

Захожу в кухню, словно я у себя дома, и на сине-белом плиточном полу вижу стоящего на четвереньках Росса. Он поднимает голову и вздрагивает.

Я слишком занята мыслями о том, чего сказать не могу, и не нахожу ничего лучше, как ляпнуть:

– Преклонять колена – это уже слишком. Мог бы просто сказать «привет».

* * *

– Кэ-эт! – протяжно восклицает Росс, словно в моем имени два слога.

Он встает, и я замечаю на полу разбитую фарфоровую тарелку.

– Помочь?

– Потом уберу. – Он перешагивает осколки и останавливается прямо передо мной. Мы оба улыбаемся через силу. – Как там в Лос-Анджелесе?

– Жарко.

– Добралась нормально?

– Да, хотя лететь очень долго.

Не знаю, почему разговор дается мне с таким трудом. Зачем мы вообще пытаемся вести эту идиотскую беседу? Росс прежний и в то же время другой, как и дом. Лицо бледное, мешки под глазами больше, чем видно в новостях, уже не лиловые, а черные. Темная щетина, растрепанные волосы. Он выглядит старше, но ему идет. Потеря Эл далась ему нелегко: вокруг карих с серебристыми искорками глаз залегли морщинки, лицо исхудало. Интересно, осталась ли прежней его кривая улыбка, заходит ли еще левый клык на соседний резец?

– Говорят, возвращаться тяжело, – замечает он.

– Да уж.

Росс прочищает горло.

– Я имел в виду путешествие с запада на восток.

– Знаю, – говорю я.

Футболка на нем мятая, руки покрылись гусиной кожей. Он шагает ко мне, останавливается, проводит ладонями по лицу.

– Сколько же лет прошло?

– Двенадцать? – шепчу я, словно не считала каждый год. В горле ком, глаза щиплет. Эл, Росс, наш старый дом... Я устала, мне грустно, страшно и я чертовски зла. Возвращаться явно не стоило, хотя в глубине души я об этом мечтала. Не прошло и суток, как я покинула свою прекрасную квартирку на Пасифик-авеню, но теперь она значит для меня не более чем глянцевая открытка из места, где я побывала давным-давно.

Росс порывисто прижимает меня к себе так крепко, что щетина царапает шею; кожу согревает теплое дыхание, знакомый, давно забытый голос отдается во всем теле. Он совершенно не изменился.

– Слава богу, ты вернулась, Кэт!

* * *

Мы поднимаемся по лестнице, и я изо всех сил пытаюсь не смотреть по сторонам. Дубовые перила, гладкие и изогнутые, на мозаичной облицовке ступеней – зеленые и золотые всполохи света из витражного окна. Лестничная площадка скрипит под ногами, как прежде, и я на автомате направляюсь в первую комнату. Росс стоит на пороге комнаты напротив с моим чемоданом в руках и смущенно улыбается.

– Там теперь наша спальня, – сообщает он.

– Извини, – говорю я, поспешно возвращаясь на площадку. – Конечно.

Интересно, как выглядит комната теперь? Когда там жили мы с Эл, покрывала были золотисто-желтые, обои – буйство зеленых, коричневых и золотых красок – настоящий тропиче-

ский лес. Ночью мы опускали деревянные жалюзи и представляли себя викторианскими исследователями в джунглях на севере Австралии. Захожу за Россом во вторую спальню. Знакомая аккуратная мебель из сосны и высокое окно, выходящее в сад за домом. В углу стоит заляпанный красками мольберт и палитра, к стене прислонены два холста. Бурный океан, зеленые пенные волны под темными грозовыми облаками. Эл научилась рисовать раньше, чем ходить.

– Как тебе комната? – спрашивает Росс.

Внезапно я узнаю комод и платяной шкаф и гадаю, на месте ли грим, оранжевые парики, разноцветные нейлоновые комбинезоны и накладные носы. Потом вижу, что петли и щели закрашены краской. Снова оглядываю комнату с обоями в бело-красную полоску и улыбаюсь. Ну конечно! Я – в кафе «Клоун».

– Кэт?

– Извини, задумалась... Да, годится. Просто отлично!

– Наверное, странно вернуться сюда через столько лет.

Не могу смотреть ему в глаза. Я все еще помню тот день, когда Росс сообщил мне о покупке дома. Я сидела на веранде шумного бара на бульваре Линкольна, мучаясь от похмелья и жары. К тому времени я прожила в Калифорнии уже несколько лет, но так и не привыкла к безжалостному южному солнцу. Узнав новость, я испытала потрясение. Представила, как Эл с Россом сидят в обнимку в гостиной перед облицованным зеленой плиткой камином, пьют шампанское и строят планы на будущее... Хотя после этого Росс не раз пытался до меня дозвониться, больше трубку я не брала никогда.

– Поверить не могу, что после столько лет все по-прежнему на своих местах! Здесь ведь жили другие люди...

– Пожилая пара, Макдональды, – Росс кивает. – Видимо, они приобрели большую часть обстановки вместе с домом и особо ничего не меняли. Купив дом, мы добавили кое-какие вещи...

Я смотрю на него.

– Добавили?..

– Ну да. Крупную мебель они оставили: кухонные шкафы и стол, плиту, диван и кресла в стиле честерфилд, а все прочее – новое. То есть не совсем новое, ты ведь понимаешь. – Росс улыбается с несчастным видом, едва сдерживая отчаяние и злость. – На выходных Эл постоянно таскала меня по всяким антикварным магазинчикам.

Услышав имя сестры, я невольно вздрагиваю. Росс смотрит на меня долго и внимательно, не спеша отвести взгляд.

– Ты так и не спросила, – медленно говорит он, – почему мы купили этот дом.

Я отворачиваюсь, смотрю на окно и закрашенную дверцу буфета.

– Его выставили на аукцион. Эл увидела объявление в газете. – Росс устало садится на кровать. – Я подумал, что заикливаться на прошлом – неправильно. То есть... Ну, ты понимаешь.

Еще бы! Когда-то я была здесь счастлива. А потом, после ухода, несчастна. И все же я знаю: возврата к прежней жизни нет.

– Я собрал задаток и помог ей с покупкой. – Росс пожимает плечами. – Ты ведь знаешь, какой упорной была Эл, если ей чего-то хотелось.

Лицо пылает, по коже бегут мурашки. Он говорит о ней в прошедшем времени! То ли считает мертвой, то ли потому, что у меня с сестрой давно нет ничего общего.

Росс прочищает горло и лезет в карман.

– Подумал, что они тебе пригодятся, чтобы ты могла приходить и уходить, когда захочешь. – Он протягивает мне два ключа от автоматического замка. – Первый – от двери в при-

хожую, которую я обычно не запираю, второй – от входной двери. Еще там есть засов, но ключ у меня один, поэтому пока не буду им пользоваться.

Беру ключи, подавляя внезапно нахлынувшее воспоминание о черной тьме. «Беги!»

– Спасибо.

Росс резко поднимается с кровати, словно его дернули за ниточки. Вышагивает по комнате, проводя руками по волосам, сжимает кулаки.

– Кэт, я должен предпринять хоть что-нибудь, но что?

Он бросается ко мне, выкатив красные от недосыпа глаза.

– Кэт, они считают, что Эл мертва! Ходят вокруг да около, вслух не говорят, только я вижу, что они думают! Завтра уже четвертый день, как она пропала. Как считаешь, сколько ее будут искать? Отговорки про погоду, время и ресурсы кончатся, и спасатели скажут: «Извините, доктор Маколи, больше мы ничего не можем поделать». – Росс взмахивает руками; на футболке под мышками влажные пятна. – Эл ведь не просто исчезла – она ушла на чертовой двадцатифутовой яхте с двадцатидвухфутовой мачтой! Как можно не найти такую огромную яхту? К тому же Эл отлично с ней управлялась, – добавляет он, метаясь по комнате. – Она прекрасно знала, что я терпеть не мог ее чертовых прогулок в одиночку! – Падает на кровать, словно кто-то перерезал ниточки. – Я ведь предупреждал, что этим кончится...

– Понятия не имела, что Эл умеет ходить под парусом, – замечаю я. – Не говоря уже о том, что у нее была яхта.

К тому же пришвартованная в гавани Грантон... Внезапно перед глазами встает картинка из прошлого: мы с сестрой стоим у бушприта «Сатисфакции», хохочем, кричим, наши волосы треплет горячий тропический ветер, и я чувствую то ли тоску, то ли ярость.

– Эл купила ее пару лет назад. Обязательный договор, невозвратный депозит. Она неплохо зарабатывала на комиссионных, но выставки бывали редко, и остаток выплатил я. Да сперва она даже управлять чертовой лодкой не умела! Господи, зачем я только... – Росс судорожно проводит руками по лицу. – Это я во всем виноват!

Мне хочется сказать, что Эл жива, но я не могу: Росс пока не готов.

– Почему ты винишь себя?

Росс был в отъезде – отправился в Лондон на ежегодную конференцию по психофармакологии. Это обязательное требование для всех практикующих клинических психологов.

– «Эффективность и безопасность психоактивных методов лечения», – добавляет он, будто это важно. Название конференции не говорит мне ровным счетом ничего. Росс винит себя за то, что его не было с ней рядом, что он ее не остановил, хотя мы оба знаем: это не помогло бы. Впрочем, он явно чего-то недоговаривает. – Когда я вернулся, Эл уже часов пять как пропала, и откуда ни возьмись налетел шторм.

Вспоминаю фото «День первый», на котором Росс стоит в тени между двумя фонарями.

– Вчера поиски расширили до Северного моря. Ее ищут все рыбацкие суда и танкеры, но... – Росс качает головой и снова встает. – Я знаю, скоро поиски свернут. Полиция наверняка заявится завтра утром. Никто не хочет, чтобы я торчал в гавани и путался под ногами. – Он фыркает. – Безутешный вдовец!

Такой сердитый, такой отчаявшийся...

– Ты, наверное, устал. Приляг хотя бы ненадолго, – предлагаю я.

Росс тут же начинает возражать.

– Мне все равно не уснуть до вечера. Если что-нибудь случится, я тебя разбужу. Обещаю!

Плечи его опускаются. Улыбка такая несчастная, что я поскорее отворачиваюсь и смотрю на качающиеся за окном зеленые кроны.

– Ладно, – сдается он и сжимает мою руку. – Спасибо тебе, Кэт! – В дверях с улыбкой оборачивается и уже слегка напоминает прежнего Росса. – Знаешь, я ведь и в самом деле рад, что ты вернулась.

Роюсь в чемодане и достаю бутылочку водки, купленную в аэропорту. Сажусь на нагретую Россом кровать и выпиваю. На тумбочке фото в рамке: юные Эл с Россом улыбаются на фоне цветочных часов в парке Сады Принцесс-стрит. Он сунул ей пальцы за пояс джинсовых шортов, она обнимает его за торс.

Интересно, это снято после моего отъезда? Помнили ли они обо мне тогда? Смотрю на широкую счастливую улыбку Эл и знаю ответ.

Отворачиваюсь и снова оглядываю комнату. Кафе «Клоун» было целиком и полностью задумкой Эл: воображаемая американская закусочная у дороги с полосатыми красно-белыми стенами и розовыми неоновыми трубками. Старенький проигрыватель был музыкальным автоматом, играющим песни Элвиса. Сосновый буфет – столиком, два высоких табурета – стульями. Кровать служила нам барной стойкой, платяной шкаф – туалетом.

Клоунов я не особо любила; мы с сестрой считали, что они – совершенно другой, отличный от людей вид. Я испытывала к ним смешанные чувства, жалость пополам с брезгливым недоверием: мне казалось, что эти существа больше ни на что иное не годятся, и, хотя мне было всего восемь лет, я понимала, насколько ограничены их возможности. Эл полагала, что путешествовать с бродячим цирком – лучшая работа в мире.

Зато Зубная Фея клоунов боялась, а мы боялись Зубную Фею... Поэтому и прятались в кафе «Клоун» (кожа чешется под слоем грима и пластиковыми носами, нейлоновыми париками и комбинезонами), пили кофе, кушали жареные пончики в компании двух клоунов-старожил по имени Дикки Грок и Пого. Первый работал поваром в кафе: немой, с грустным лицом, бывший жонглер, который терпеть не мог цирк и рано ушел на пенсию. Второй клоун был щуплым, с большими зубами, – король фарсовых трюков, обожавший подкрадываться к людям сзади и орать в рупор. Меня он ужасал ничуть не меньше, чем Зубная Фея.

Впрочем, оно того стоило, ведь кафе «Клоун» принадлежало только нам. Это было одно из лучших укрытий на свете.

Сглатываю комок в горле. Я не вспоминала про кафе «Клоун» много лет, как и про нас с сестрой... Мне хочется вдохнуть свежего воздуха. Я подхожу к окну и пытаюсь рывком поднять нижнюю раму. Она не поддается. Я с недоумением опускаю взгляд. В подоконник вбито с десяток кривых гвоздей. Хотя бояться нечего, меня охватывает страх. Мне становится так же страшно, как в Лос-Анджелесе, когда на долю секунды я поверила, что Эл мертва. Точнее, не я, а часть меня, которая рада возвращению туда, где наша первая жизнь закончилась и не должна была продолжиться никогда.

– Ах, Эл, – шепчу я, водя пальцами по холодному стеклу. – Что же ты наделала?

Глава 3

В доме одновременно слишком тихо и слишком шумно.

Стою на верхней лестничной площадке и перевожу дыхание. Ковра уже нет, зато свисающий с потолка стеклянный шар и золотистый свет с Уэстерик-роуд, который струится из открытой ванной прямо передо мной, всё те же. Смотрю на закрытые двери комнат – спальни номер один, два, четыре и пять – и вспоминаю названия, придуманные нами с сестрой: Джунгли Какаду напротив кафе «Клоун», Башня принцессы напротив Машинного отсека. В темном узком коридоре между кафе «Клоун» и Башней принцессы сердце предостерегающе ускоряет ритм, но я не обращаю внимания, поворачиваю и быстро шагаю к комнате в самом конце. Спальня номер три. Наверное, у нее тоже было прозвище, только я его не помню. У пыльной матово-черной двери обнаруживаю, что крепко обхватила себя руками, боясь коснуться стен. Встряхиваюсь и делаю глубокий вдох. Господи, да прекрати ты! Взявшись за дверную ручку, слышу вопль Эл: «Не входи! Нам туда нельзя!» – и мамин голос – высокий, резкий, безапелляционный: «Только суньтесь, и я с вас шкуры спущу! Вам ясно?»

Еще бы.

Отпускаю ручку и отшатываюсь, не желая поворачиваться к двери спиной. Пячусь назад, на площадку, залитую теплым золотым светом. Понятия не имею, почему меня так трясет. Довольно странное чувство – похоже на зуд, но не настолько сильный, чтобы чесаться.

Кэт, прекрати! Это всего лишь призраки.

Медленно перевожу дух. Подхожу к спальне номер пять, толкаю дверь. Дедушка называл ее Машинным отсеком, потому что она была сердцем корабля, его движущей силой. Там стояли массивная дубовая кровать, шкаф и большой уродливый стол, за которым он работал. Я помню громкое шипение радиопомех – даже нося слуховой аппарат, дедушка слышал настолько плохо, что по субботам весь дом знал о каждом футбольном моменте. Теперь радио нет, как и гор шурупов, болтов и пружин, сломанных механизмов и моторов. Здесь больше не пахнет маслом и теплым металлом. Сердце Машинного отсека перестало биться много лет назад.

Башня принцессы была маминой спальней. Я открываю дверь, и к горлу подступает ком: у стены узкая кровать, розовая подушка и пуховое одеяло, белый туалетный столик с розовой кружевной оборкой и мягкий пуфик. Меня пробирает дрожь, потому что все выглядит таким настоящим, словно застыло во времени на два десятилетия. Словно мама вышла из комнаты минуту назад... Она редко позволяла мне с Эл сюда заходить, только если читала нам книжки, и меня всегда поражал резкий контраст между розовыми оборочками и нашей суровой матерью: она ничуть не походила на принцессу Иону из своей любимой сказки. Иона значит «красивая», и принцесса была самой прекрасной на свете...

Я сажусь на кровать, смотрю в большое окно, выходящее на Уэстерик-роуд, вспоминаю медленное, ласковое прикосновение ладони матери к моим волосам. В один ужасный день Иону украли злая ведьма, отрезала ей крылья и заключила в высокую-превысокую башню. Отважная принцесса не знала ни печали, ни страха, потому что собиралась сбежать. Она ждала, пока ее золотые волосы отрастут настолько, что их можно будет привязать к спинке кровати и спуститься по ним как по веревке до самого низа. «Как же она их потом отвяжет?» – спросила Эл. Мама перестала гладить наши волосы и коротко ответила: «Обрежет».

В доме не было телевизора, а единственное радио – дедушкин транзистор – считалось неприкосновенным. Наша жизнь состояла из сплошных сказок и историй. Среди многочисленных маминых правил чтение являлось, пожалуй, самым главным и непреложным: все, что нам нужно знать о жизни, мы должны почерпнуть из книг. Некоторые сказки – например, про Башню принцессы – представляли собой причудливые переложения сказок «Тысячи и одной

ночи» или братьев Гримм. Другие мы читали сами: про фантастические миры Нарнии и Средиземья, про Остров сокровищ и страну Нетинебудет. И еще мама придумывала сказки сама – про пиратов и принцесс, про героинь и чудовищ – страшные, увлекательные, поучительные истории для глупых, наивных и трусливых.

Белоснежка тихая и нежная. Она сидит дома, помогает маме по хозяйству или читает ей книжки. Алоцветик – шумная и веселая, любит бегать, смеяться и ловить бабочек. Мамино дыхание щекочет нам кожу. «Вы всегда должны держаться друг за друга. – Она сжимает пальцы. – Полагайтесь только на себя. Не доверяйте никому. – Мама дергает нас за волосы, из глаз брызжут слезы. – Кроме друг друга, у вас никогда и никого не будет».

Поспешно встаю, растираю покрытые мурашками руки. Никуда я не уйду! Подхожу к выкрашенному белой краской шкафу, где мама хранила наши книги, открываю дверцу. Прямо на меня глядят голубые глаза Эл, и я отшатываюсь к стене. Лицо бледное, землистое. Вокруг глаз и рта морщинки, совсем как у меня. Краска густая, мазки небрежные. На заднем плане – большое зеркало, отражения внутри отражений, темное усталое лицо становится все меньше, и так до бесконечности. Слишком много Эл. Конечно, смотреть на сестру всегда было все равно что глядеться в зеркало.

Близнецы в нашем роду не редкость, твердила мама, но мы были особенными – редкими, как совиные козодои или калифорнийские кондоры. Такие как мы рождаются лишь у одной матери из ста тысяч. Она показывала нам книгу со всякими сложными диаграммами, изображающими свернувшихся в клубок эмбрионов, которые держатся за руки в утробе. Наша яйцеклетка разделилась надвое очень поздно, более чем через неделю после оплодотворения, и это означало, что мы – не просто половинки одного целого. Мы – Зеркальные близнецы! Мама одевала нас одинаково: шила нам детские сарафанчики и белые блузки с воротничками под горло, ситцевые клетчатые платица ниже колена. Она усаживала нас на розовый пуфик перед зеркалом, заплетала в косички наши длинные белокурые волосы, и мы изумленно смотрели на свои отражения.

«Еще пара дней, и вы стали бы чем-то иным, как песок и известняк сплавляются в стекло».

Эта мысль меня пугала, словно мы едва избежали страшной участи – превратиться в чудовище.

Рассматриваю автопортрет Эл. Судя по ненависти в глазах, сжатым губам и стиснутым зубам, она злится, буквально клокочет. Но под злостью страх – я знаю ее достаточно хорошо, чтобы это понять. Интересно, кого она боится и почему решила нарисовать себя в таком настроении? Опускаю взгляд на свои руки, невольно вспоминая, как крепко сестра впивалась в них пальцами. После оставались красные отметины, которые сменяли лиловые и желтые пятна синяков.

«Ненавижу! Катись отсюда подальше! – рявкает Эл с торжеством во взгляде. – Знать тебя не желаю!»

Закрываю дверцу шкафа, устало прислоняюсь к ней пульсирующей от боли головой. Разве я могу сказать Россу, что Эл жива? Как я это объясню? Ведь даже много лет назад, когда она меня обижала, я знала, что сестра говорит неправду, и под яростью видела боль. Мы действительно были словно песок и известняк, и я чувствовала ее боль как свою. В шесть лет Эл свалилась со Старины Фреда, а я в то время лежала в постели с гриппом, мучаясь от температуры и удушья и гадая, выживу или умру. Из моего горла рвались ее крики – я чувствовала ужас падения сквозь ветви, удар о землю, мучительную боль, охватившую лодыжку и колено. Дедушка сказал, что она просто растянула связки, и уже через неделю Эл была на ногах в отличие от меня. Сестра приносила мне воду с лимоном и маргаритки из сада, чтобы плести венки, сидя вдвоем на кровати. Когда ее в первый раз пустили ко мне, она изумленно таращила глаза, слушая, как больно мне было от ее падения.

«Голова закружилась, – пояснила Эл. – Грудь сдавило, я не смогла дышать и упала».

В дальнейшем она постоянно пыталась доказать то, что я и так уже поняла. Для нее это была игра: Эл запросто бросалась вниз с деревьев и лестниц, разделяя со мной боль, страх, чувство опасности. С ее рук и ног не сходили ссадины и синяки. Сестру ничуть не волновали мои мольбы, и я словно шагала по минному полю на чужих ногах. Страх высоты буквально сковывал меня, ведь падение могло случиться в любую секунду. Головокружения прекратились только после того, как я навсегда уехала из дома... Эл лишь хохотала и обнимала меня крепко-крепко, тоже до боли.

Третьего апреля я проспала до десяти часов, потому что легла за полночь, заканчивая обзорную статью для журнала о стиле и моде: «Десять невербальных признаков того, что он вам изменяет». Выпив чашку кофе, я прогулялась по набережной Венис-Бич, побродила между торговыми прилавками и туристами с растаманскими флагами, роллерами, циркачами, предсказателями и художниками. Когда стало слишком жарко, я присела на скамью в тени пальм и наблюдала, как жизнь проходит мимо, вдыхая ее полной грудью, словно я ее часть. Лениво размышляла, в какой ночной клуб пойти, что надеть, чьи руки будут меня касаться.

В квартиру вернулась ближе к пяти, поспала часок, приняла душ, надела маленькое черное платье и туфли на шпильке. Выходя на балкон, оступилась и чуть не выронила открытую бутылку.

Охлажденное вино намочило мне пальцы, и это было самое большое потрясение за день. Я сидела на балконе, потирала ушибленную ногу, пила вино и смотрела, как солнце исчезает за горизонтом, заливая алыми красками Тихий океан. Я не чувствовала ровным счетом ничего особенного – обычный день, обычный вечер. С тех пор мало что изменилось. Ни ужаса, ни потрясения, ни боли, ни душевного трепета, ни чуждого фантомного страха. Никакой утраты, ведь ничего не закончилось. Все оставалось ровно таким же, как и всегда. Эл вовсе не лежит в темноте, корчась от боли. И она вовсе не мертва. Я бы это почувствовала. Неважно, насколько мы отделились друг от друга. Я бы знала!

* * *

Иду на кухню. Лучше покончить с этим сразу. Мамина старая плита – большая, уродливая, угольно-черная – выглядит так, словно ею пользуются до сих пор: сверху стоит чайник, на решетке – горстка золы. Так и вижу завитки волос на мамином затылке, согнутую над кастрюльками и сковородками спину, тугий узел фартука на талии, сбитые каблуки туфель. Запотевшее от пара стекло скрывает темный сад. Отбеливатель и лаванда, острая шотландская похлебка и сладкие лимонные пирожные, которые мы иногда пекли после школы. Громоздкий деревянный стол с царапинами, щербинками и пятнами по-прежнему занимает большую часть кухни. Вижу дедушку, сидящего, устроив большую ногу на соседнем стуле, у него блестящая гладкая лысина и пышные бакенбарды; он бросает в рот свои сердечные пилюли, словно оранжевые «Тик-так», стучит по столу огромными кулаками, когда счастлив, зол или расстроен.

Вижу маму с половником в руках, суп капает на пол; лицо осунувшееся, кожа под глазами сморщенная, как высохшая мокрая газета, голос громкий, чтобы дедушка расслышал. «В Эдинбурге случается по три нападения с ножом на день». Эл и мне лет по восемь или девять, не больше, потому что волосы у мамы все еще светлые, почти как у нас; смотрим на дедушку с тревогой, пока он не хмыкает, скаля белые зубы. «Не везет бедолагам, да?»

Он родился в Ист-Энде в Глазго, потом с шестнадцати лет работал инженером на рыболовецких судах в Северном море. Бабушка умерла от рака, когда мама была еще подростком. Каждый год в день ее смерти мама запиралась в своей спальне и не выходила до следующего утра. А вот дедушка неизменно держался стоически. Он напоминал карикатуру на одну из маминих сказок: тяжелая жизнь выковала сурового человека, чей мир с годами ничуть не

менялся – неважно, на скольких судах он ходил, сколько разных мест и людей повидал. При этом каждое лето он проводил в саду в компании Эл и меня – в хорошую погоду устраивал пикники, хохотал вместе с нами и принимал участие в наших бесконечных охотах за сокровищами, а в дождливые дни строил в доме все более затейливые форты и замки из одеял. На выходных дедушка отправлялся на лейтский рынок, и мы часами сидели за кухонным столом в ожидании мелодии *Bluebell Polka* или *Lily of Laguna*, которые он насвистывал довольно фальшиво, и хромающего силуэта в проеме застекленной двери, с полотняной сумкой на плече, полной сливочных ирисок и тянучек. Для нас он был спасением от маминых бесчисленных страхов и дурных предчувствий. Дедушка всегда сидел неподвижно, делая вид, что слушает ее настойчивый шепот, и усмехался, когда она особенно волновалась и размахивала руками.

«У страха глаза велики, цыпа. Забей!»

Тут мы и жили – Эл, мама, дедушка и я. В этой уютной, неказистой комнате. С улыбкой оглядываю шаткие бежевые шкафчики. Старый титан – серебристая труба воткнута в скрытый дымоход, в котором вечно застревали птицы. Я слушала, как они скребутся и хлопают крыльями, и звук шел глухой, словно они под водой. Под старой сушилкой для белья стоит новенький холодильник «Смег» неуместного ярко-синего цвета. За высоким окном в георгианском стиле, состоящим из множества отдельных стеклышек, обрамленных деревянными горбыльками, раскачиваются на ветру старые яблони.

Снова поворачиваюсь к открытой двери в холл и к дедушкиным часам, телефонному столику, фарфоровым тарелкам с птицами на стенах. Внутри меня пустота. Знаю, обманываться легко, особенно если сама хочешь верить в реальность происходящего, но для меня этот дом – нечто большее, чем просто старые воспоминания. Он словно музей или мавзолей. Или миг катастрофы, застывший под слоем вулканического пепла. Наверное, поэтому Эл и захотела его купить и наполнить утерянными вещами. Увидела объявление в газете, решила взглянуть из простого любопытства, сама не ожидая, что прийти сюда – словно вернуться в детство... Полагаю, ей было трудно устоять, хотя из нас двоих сентиментальностью отличалась я. Эл овладела искусством забивать на все задолго до того, как мы повзрослели.

Беру совок и щетку, брошенные Россом на полу, подметаю осколки. По пути к мойке резко останавливаюсь возле плиты и смотрю на потрескавшуюся затирку между двумя плитками, испачканную чем-то темным. Сердце замирает. Меня охватывает приступ дурноты, и я поспешно отворачиваюсь.

Раздается звон – громкий, внезапный и близкий. Сердце снова замирает, потом начинает колотиться. Живот скрутило, пальцы на руках и ногах колет как иголками. Я машинально оборачиваюсь, и взгляд падает на деревянную доску с колокольчиками, висящую на кухонной двери.

Столовая Гостиная Кладовая Ванная Спальни

1 2 3 4 5

У каждого бронзового колокольчика – язычок в форме звезды. В каждой комнате в доме, кроме кухни, свой шнурок: латунно-керамическая ручка, соединенная с длинной, спрятанной в стене проволокой, которая проходит под штукатуркой вдоль карнизов. Когда дергаешь за ручку, проволока натягивается и дрожит, пока колебание не доберется до кухни, где закрепленный на пружине колокольчик прозвенит громко и протяжно. Язычки качались еще долго после того, как звон прекратится, и если я или сестра хотели угадать, в какой комнате дернули за шнурок, то шли в холл. Простейшая проверка телепатических способностей, которой не убедишь никого, ведь у каждого колокольчика был свой особенный голос. Нам эта игра быстро наскучила, зато мама ее обожала: стоило угадать верно, и она хлопала в ладоши или награждала нас скупой улыбкой.

Звон раздается громче, пронзительнее, и я подпрыгиваю. Смотрю на колокольчик под надписью «Спальня 3», и вдруг кто-то шепчет мне прямо в ухо: «В этом доме живет чудовище!»

Я содрогаюсь. Ни колокольчики, ни язычки не двигаются. Наконец до меня доходит, что звонят в дверь. Господи! Возвращаюсь в холл, делаю несколько глубоких вдохов и выдохов. Похоже, сказывается смена часовых поясов. Стеклопанная дверь распахнута, большая красная дверь закрыта. На цыпочках подкрадываюсь к глазку и вижу пустую дорожку, калитку, высокую, ровно подстриженную изгородь. Никого.

На джутовом коврикe лежит конверт. Большими черными буквами на нем написано: «Кэтрине». Ни марки, ни штампа. Поднимать неохота, но что поделаешь... Кое-как разрываю бумагу и достаю открытку с соболезнованиями: ваза с узким горлышком, кремовые лилии, перевязанные лентой, вычурная золотая надпись: «Думаю о тебе».

Возвращаюсь в дом, захлопываю дверь, запираю замок.

Внутри открытки одно слово.

ПРОЧЬ

Глава 4

Детектив-инспектор Рэфик – из тех женщин, которыми восхищаешься, и в то же время радуешься, что ты не такая. Сама – стройная и хрупкая, зато голос громкий и нетерпеливый, с заметным акцентом уроженки Глазго, способный с легкостью перекричать любого. Волосы черные, одежда тоже, рукопожатие – неожиданно сердечное.

– Прошу вас, мисс Морган, присядьте, – велит мне детектив с таким видом, словно она у себя дома.

Мы в Тронном зале. Понятия не имею, почему именно здесь. Комната словно застыла во времени: обои с золотым филигранным узором, на полу черно-золотой ковер с замысловатыми завитками. Обеденный стол застелен новой льняной скатертью, но стулья – все те же массивные троны красного дерева, из-за которых комната и получила название, спинки прямые и резные, украшенные такими же завитками, как и на ковре. Сажусь напротив детектива Рэфик и сразу чувствую себя словно на допросе. Наверное, так и задумано.

– Зовите меня Кэт, это сокращенное от Кэтриона. – Открытка с соболезнованиями лежит в кармане джинсов. Поспав на ней – точнее, проворочавшись всю ночь с боку на бок, – я решила, что она от Эл. Похоже, сестра знала, что я вернусь. Кроме Росса и полиции, никто не в курсе, что я здесь.

– А я – Кейт. – Улыбка обнажает ровные зубы.

Росс гремит чашками в кухне. Справа от меня сидит коллега Кейт Рэфик, улыбочивый молодой мужчина по фамилии Логан. Вроде бы она представила его как детектива-сержанта, а я видела достаточно низкопробных криминальных сериалов, чтобы понимать: значит, Рэфик за главного. Прическа у него нелепая – сверху копна намазанных гелем волос, по бокам и сзади все выбрито. Вместе с делано-небрежной щетиной это придает ему вид футболиста-миллионера. И сидит он слишком близко, я слышу его дыхание. В окружении копов чувствую себя загнанной в угол. Настроение паршивое – словно с похмелья, хотя я не пила. Еще одна передряга, в которую я угодила по вине Эл! Мне плевать, если полиция на пару с Россом вообразила, будто с сестрой что-то случилось, потому что это вовсе не так.

– Сходство поразительное, – замечает Рэфик, качая головой.

– Мы – однойцевые близнецы, – напоминаю я.

– Точно. – Моя враждебность ее интригует, и она подается вперед, ставя локти на стол. И я тут же жалею, что надела свои лучшие джинсы и блузку из натурального шелка. В них я на себя не похожа. Внезапно понимаю, что вырядилась как Эл. – Вы прилетели из Лос-Анджелеса?

– Венис-Бич. Это к югу от Санта-Моники.

Она поднимает брови.

– Как долго вы там прожили?

– Двенадцать лет. – Смотрю в окно на проезжающий мимо красный омнибус; стекло звенит.

– И чем вы занимаетесь там, Кэтриона?

– Кэт. Я – писатель-фрилансер; пишу в основном для журналов, для электронных СМИ. Авторские статьи про стиль жизни. У меня есть свой блог, веб-сайт, официальная страничка в «Твиттере» с шестнадцатью тысячами подписчиков. – Умолкаю, опускаю взгляд. Что за чушь я несу?!

– Лос-Анджелес от Лейта далеко. Если не секрет, почему вы покинули Шотландию?

– А какое отношение это имеет к исчезновению Эл? – вскидываюсь я.

Еще одна белозубая улыбка.

– Я просто пытаюсь составить представление об Эл, вот и все. Поможет любая деталь. К тому же разве не странно, что близнецы живут так далеко друг от друга? Сколько раз вы возвращались сюда за последние двенадцать лет?

– Ни разу.

– Росс говорит, что перед отъездом вы с сестрой поссорились.

– Мы просто отделились друг от друга, такое случается. Потом я уехала, и на этом все.

– Значит, для переезда у вас не было особых причин? Почему вы не возвращались целых двенадцать лет?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не вскочить с места, ведь тогда она вообразит невесть что.

– Эдинбург мне надоел, и я уехала. С годами мое отношение мало изменилось, поэтому я и держалась отсюда подальше.

Детектив Рэфик многозначительно молчит, и я тут же попадаюсь на провокацию.

– Неужели вы считаете, что без меня тут не обошлось?! – Я вскакиваю, кипя от негодования, и массивный стул у меня за спиной опасно балансирует на задних ножках. – Выходит, мы с Эл разругались в пух и прах, я свалила в Америку и двенадцать лет замышляла ее убить?

– Значит, вы думаете, что ваша сестра мертва? – спрашивает Рэфик, обмениваясь взглядом с Логаном.

– Наоборот, – вмешивается в разговор Росс, входя в комнату с подносом, натянуто улыбается и ставит на стол кофейник. – Кэт уверена, что Эл сама все это устроила, чтобы привлечь внимание. – Сон пошел ему на пользу, хотя глаза по-прежнему красные и опухшие, а голос севший. – Так ведь, Кэт?

Со вздохом сажусь. Похоже, мне не слишком удастся скрывать свои чувства. Логан рядом со мной продолжает дышать тихо и мерно, словно спит.

– Очень на нее похоже, – говорю я. – Эл всегда так делает. Подождите пару деньков, и она ворвется в дом, требуя уик-энда в Париже и извинений, – бросаю взгляд на Росса, – за то, что ты натворил. – Логан громогласно вздыхает, и я мигом оборачиваюсь к нему с пылающим лицом. – Вы вообще говорить умеете?

Логан недоуменно моргает и усмехается, обнажая крепкие зубы и задорные ямочки на щеках.

– Да.

– Вы правы, Кэтриона, – соглашается Рэфик, – мы не знаем Эл, как вы, но обязаны считать ее пропавшей без вести, пока не убедимся в обратном. Такая уж у нас работа. Давайте начнем с самого начала.

Детектив тепло улыбается, и я понимаю, что лучше держать рот на замке и не говорить вообще ничего.

– Я – старший следователь по делу об исчезновении Эл. Это означает, что я отвечаю фактически за все. – Она поворачивается к коллеге. – Логан, докажи нам, что умеешь разговаривать, и опиши вкратце ситуацию, а я дополню тебя по ходу дела.

Росс заканчивает разливать кофе и со вздохом опускается на диван. Логан кивает, достает крошечный блокнотик и шуршит страничками.

– О пропаже Эллис Маколи заявил лодочник яхт-клуба «Роял Форт» в шесть тридцать вечера третьего апреля. Он помог ей отшвартоваться в Ист-Харборе в восемь утра, примерно через четверть часа после начала прилива.

Единственное время, когда можно выходить в открытое море... Я вспоминаю темноту и холодное багровое небо, широкий беспокойный залив, запах крови – резкий и неприятный.

– Камера наблюдения зафиксировала, что она пришла пешком со стороны Локин-вар-драйв. Судя по ноутбуку, ваша сестра заходила в систему АИС, чтобы посмотреть положение судов в заливе Ферт-оф-Форт. – Логан поднимает взгляд. – Вполне обычная процедура перед прогулкой под парусом. Сообщила лодочнику, что хочет пройти до Анструтера, пообещала.

дать и вернуться обратно. Десять минут спустя Эллис Маколи отчалила одна на своем паруснике «Побег».

Коп слюнявит указательный палец и переворачивает страничку, не поднимая глаз. Меня это нелепое притворство просто бесит: неужели у местной полиции нет ни смартфонов, ни планшетов?

– Некий Роберт Маклелланд, шкипер прибрежного рыболовного судна под названием «Морские брызги», позже сообщил, что заметил ее яхту в одной морской миле к северо-востоку от Инчкита в восемь пятьдесят утра. Судя по метеосводке, Эллис Маколи должна была прибыть в Анструтер около одиннадцати утра, самое позднее – к полудню. Когда она не вернулась в Грантон к шести вечера, лодочник связался с Анструтером и выяснил, что там ее не видели. Яхт-клуб тут же уведомил полицию и береговую охрану. На основании первоначальных свидетельских показаний и с учетом степени риска инспектор объявил Эллис Маколи пропавшей без вести. С ее мужем, доктором Россом Маколи, связались, и тот сообщил, что в данный момент возвращается с лондонской конференции. Прошу прощения, – смущенно улыбнулся Логан, поднимая взгляд и демонстрируя ямочки на щеках, – тут вышло немного нескладно...

Рэфик закатывает глаза.

– Ладно, продолжу. Абердинский МСЦ, то есть Морской спасательный центр, назначил руководителем поисково-спасательных операций Джеймса Патона.

Вспоминаю толстого, мордастого ковбоя. «В таких условиях человек вряд ли продержится на воде дольше трех часов».

– На поиски направили подразделения местной береговой охраны и бригады спасателей. Национальное королевское общество спасения на воде выделило два спасательных катера, в Южном Куинсферри и в Кингхорне, из Прествика вылетел вертолет поисково-спасательной службы, чтобы охватить последнее известное местоположение яхты возле Инчкита на севере и гавань Анструтер на северо-востоке.

Добросовестная и педантичная манера изложения Логана сводит меня с ума. Несмотря на свою убежденность и обиду на сестру, мне становится не по себе. Накатывает тошнота. В памяти встает образ Эл, цепляющейся за мачту: парус яростно хлопает на ветру, сестра кричит, хохочет, откинув голову назад, и размахивает фонарем. Подавляю порыв вскочить с места. Крепче сжимаю руки и пристально смотрю на конденсат внутри пустого кофейника.

– К восьми вечера не было обнаружено никаких следов – ни яхты, ни Эллис Маколи. МСЦ уведомили, что с севера надвигается шторм. Погодите минутку... – Логан шуршит страничками. – Где-то у меня есть точный прогноз для судоходства...

Росс роняет голову, стискивает руки на затылке. Я нервно сглатываю.

– Пропусти, – велит Рэфик.

– Ладно. Итак, дело передали в Британское бюро по розыску пропавших без вести, потом – в уголовный розыск детективу-инспектору Рэфик, которую и назначили старшим дознавателем. По прибытии Росса Маколи по адресу проживания в Лейте примерно в одиннадцать вечера я помог ему заполнить заявление о розыске и отвез мистера Маколи, по его же требованию, в гавань Грантон.

Внезапно я понимаю, что это Логан стоит рядом с Россом на том ужасном фото, где Росс пристально смотрит в море, обхватив себя руками, и будто кричит.

– Из-за стремительно ухудшившихся погодных условий поиски прекратили в одиннадцать сорок пять и возобновили в девять утра четвертого апреля. Плохая видимость и вмешательство прессы серьезно их осложнили. К полудню район поисков расширили до Северного моря. Все коммерческие суда на территории оповестили и снабдили описанием и «Побега», и Эллис Маколи. На данный момент никаких сообщений об их обнаружении не поступало.

Логан прочищает горло и переворачивает еще одну крошечную страничку. Ловлю себя на том, что задержала дыхание, и через силу выдыхаю.

– По мнению МСЦ, если б у пропавшей возникли сложности с управлением по пути в Анструтер, то это наверняка заметили бы свидетели – либо на других судах, либо на побережье. Кроме того, размеры мачты таковы, что ее было бы видно над водой, даже если б яхта затонула. Если б Эллис Маколи упала за борт, то температура воды не позволила бы ей продержаться на плаву больше часа – она потеряла бы сознание и погибла в течение трех часов. В этом случае лодку выбросило бы на берег или унесло в открытое море. «Побег» был оснащен спасательным плотом ISO 9650, а еще у Эллис Маколи имелся надувной каяк «Гумотекс», который она использовала, чтобы добираться до берега и обратно. Мы разослали описания обоих плавсредств. Сигнал бедствия она не подавала, GPS-трекер не отслеживается. АРБ, то есть аварийный радиобуй, тоже не пеленгуется. При соприкосновении с водой он включается автоматически.

Росс встает, пошатываясь.

– Вы пришли сообщить, что умываете руки! Все вы – и береговая охрана, и спасательные бригады, и полиция!

Кейт Рэфик тоже встает и берет его за руку. Как ни странно, Росс не сопротивляется, хотя буквально вибрирует от гнева, горя, а возможно, и от страха. Не знаю, что и думать. Мне кажется, он ведет себя неуместно.

– Росс, – уговаривает детектив, – обещаю вам: мы продолжим ее искать!

– А спасатели?

– МСЦ наверняка свернет поиски, если не сегодня, так завтра. – Ее тонкие пальцы сжимаются на запястье Росса, едва тот начинает протестовать. – Но это вовсе не означает, что мы сдались, понимаете? Мы продолжим свое собственное расследование. Вероятно, дело Эл станет долгосрочным. Сейчас нам нужно решить, насколько велика грозящая ей опасность.

– Конечно, велика! – кричит Росс, выдергивая руку. Он отшатывается от стола, громыхнув посудой, и переводит на меня налитые кровью глаза. – Кэт, я же тебе говорил! Они забьют на поиски!

Затем хмурится и отводит взгляд. Видимо, вспомнил, что союзник из меня сомнительный.

– Мы вовсе не забили, – заверяет Логан.

Все вскочили на ноги, одна я продолжаю сидеть.

– Росс, я вам все объяснила еще в первый вечер, – напоминает Рэфик. – Пропавшие без вести всегда делятся на четыре категории. Либо они потерялись, либо стали жертвами несчастного случая, травмы или внезапной болезни, либо исчезли умышленно, либо стали жертвой третьей стороны, к примеру, похитителя. – Она изо всех сил пытается выдержать яростный взгляд Росса. – Прямо сейчас у нас нет улик, чтобы определить, какой из этих случаев применим к вашей жене, ясно? Поэтому мы должны рассмотреть все возможные варианты.

Рэфик снова садится и жестом велит Россу и Логану последовать ее примеру. При виде их покорности я едва подавляю нелепый позыв расхохотаться.

– Итак, у нас есть еще несколько вопросов. Личных. Росс, может, Кэтрионе лучше выйти из комнаты?

– Не надо, – угрюмо буркает Росс, растеряв весь свой пыл. Меня снова распирает смех, и я поскорее делаю глоток обжигающе горячего кофе. – Спрашивайте, что хотите.

– Вы сообщили Логану, что перед исчезновением Эл находилась в подавленном настроении. Это верно?

Я выпрямляюсь и с удивлением смотрю на Росса, но он не замечает, потому что прикрыл глаза.

– И у вас были семейные разногласия...

– Не говорил я ничего подобного! – взвизгивается Росс. – Просто мы... Я много работал. – Он качает головой. – Я много работал, и мы с Эл редко виделись. Когда она не писала картины, то уходила в море на чертовой яхте.

– И вы никогда ее не сопровождали?

Росс бросает на Рэффик яростный взгляд.

– Я не хожу под парусом. Плавать не умею, воду не люблю. Говорил же...

– Как насчет психического состояния Эл? – продолжает настаивать Рэффик. – Вы можете сказать, что перед исчезновением ее депрессия усилилась?

– Нет. Слушайте, я лечу людей с глубокой депрессией. Такова моя работа. У Эл была легкая степень, только и всего. Я понимаю, к чему вы ведете, но...

– И к чему же они ведут? – влезаю я, хотя и сама прекрасно понимаю.

Рэффик смотрит на меня.

– Насколько я знаю, Эл уже однажды пыталась покончить с собой?

– Да пошли вы к черту! – вскидываюсь я и перевожу взгляд на Росса. – Это ты им сказал?

На меня накатывает болезненное воспоминание: Эл на больничной кровати. Под глазами черные круги, лицо белое как мел, – все в жизни Эл всегда было либо черным, либо белым. В вену на тыльной стороне ладони воткнут катетер, рядом стойка и капельница с физраствором. На руке запачканная кровью плотная повязка. Улыбка Эл – усталая и неверная, но такая радостная... И в ней столько ненависти...

– Эл не пыталась покончить с собой ни тогда, ни сейчас! – заявляю я, стиснув зубы.

– Вы имеете в виду, что ее передозировка в возрасте... – Рэффик сверяется с телефоном, – девятнадцати лет была чем? Криком о помощи?

Я невольно фыркаю.

– Вроде того.

Рэффик с Логаном обмениваются многозначительными взглядами.

– С момента исчезновения Эл не пользовалась своими банковскими счетами, никому не звонила, не включала телефон. В ближайшие больницы не поступал никто, похожий на нее. С восьми пятнадцати утра третьего апреля никто не видел ни Эл, ни ее парусник. Росс обнаружил паспорт жены дома, в обычном месте. Почему вы так убеждены, что с вашей сестрой все в порядке?

– Я уже говорила... – я вздыхаю. – Потому что она всегда так делает.

Я так не делаю никогда. Мы с ней очень разные и никогда не были одинаковыми. Эл – моя полная противоположность, мое отражение, мой зеркальный близнец...

– Притвориться утонувшей – довольно экстремальный поступок, вы не находите?

Мне приходит на ум фраза: «Да ей море по колено!» – и я с трудом подавляю желание выпалить ее и нервно расхохотаться.

– Ну да, конечно. Сами же сказали, что не знаете ее, как знаю я.

Рэффик с Логаном снова переглядываются, и я понимаю, что они думают, – ведь отчасти я начинаю думать то же самое. Пытаюсь убедить себя, что мысль, пришедшая мне в голову в аэропорту Лос-Анджелеса, единственно верная. Снова накатывает тошнота, от запаха кофе становится еще хуже.

Рэффик подается вперед.

– С вашей сестрой случилось несчастье. Для расследования совершенно неважно, верите вы мне или нет, но весьма странно, что сестра-близнец пропавшей без вести женщины ни капли о ней не тревожится. – Она склоняет голову набок, напоминая мне хрупкую птичку с маминых фарфоровых тарелок. – Я проработала в полиции достаточно, чтобы знать, когда мне говорят не всю правду.

Мы ступили на неправильный путь, и мне приходит в голову лишь один способ вернуться.

– Вот что я получила вчера, – говорю я и кладу на стол открытку с соболзнованиями.

Росс молча хватается конверт, видит на нем мое имя, вынимает открытку и читает. Плечи его опускаются, и он начинает комкать послание.

– Постой, не надо! – восклицаю я и порывисто касаюсь его плеча. – Это хороший знак, она наверняка от Эл. – Росс не отвечает, и я хмурюсь. – Открытку положили на крыльцо – значит, Эл где-то рядом. Значит, она...

– Эл тоже получала такие, – хрипло бросает он. – Причем десятками!

– А-а... – по спине у меня бежит холодок.

– Пока не пропала.

Рэфик аккуратно забирает у него открытку, читает, кладет в конверт и передает Логану. Тот опускает улику в прозрачный пластиковый пакет, и я представляю другой вариант развития событий, в котором Эл ее не послала, и меня одновременно бросает в жар и в холод. До меня внезапно доходит, что уголовный розыск обычно не занимается поисками пропавших без вести. Я смотрю на Рэфик.

– Значит, вы поэтому ведете ее дело? Из-за открыток? Вы знаете, кто...

– Недавно мы начали расследование угроз, которые получала ваша сестра. Открытку нашли вы?

– Да. В дверь позвонили... – «В этом доме живет чудовище!» – вспоминаю я и обхватываю себя за плечи. – Конверт лежал на коврике.

– Может, теперь вы начнете принимать их всерьез, мать вашу! – рычит Росс.

Рэфик встает.

– Росс, уверяю вас, мы принимаем всерьез абсолютно все. Мы обязательно отправим ее на экспертизу, как и предыдущие.

– Зачем кому-то посылать мне такие же открытки с угрозами, как и сестре? Не вижу смысла. Никто не знает, что я здесь, кроме Росса и вас. – И кроме Эл...

Рэфик хмурится.

– Может, открытки связаны с исчезновением, а может, и нет. Сейчас самое главное – найти вашу сестру. Угрозы не усиливались, и мы не нашли доказательств, что Эл преследовали или угрожали другими способами. Тот факт, что неизвестный переключился на вас, заставляет меня подозревать любопытного соседа, у которого есть на нее зуб и слишком много свободного времени, чтобы развлекаться подобным образом. Вряд ли тут нечто более серьезное. – Росс пытается возразить, и детектив поднимает руку. – Это вовсе не означает, будто мы перестали считать открытки частью дела или что вам не следует сообщить нам, как только получите еще одну.

Рэфик делает шаг назад и смеривает взглядом меня с Россом.

– Мы пришли, чтобы заверить вас: ничего не изменилось. Полиция и береговая охрана используют для поисков Эл все возможные ресурсы. Однако вам следует морально подготовиться к тому, что в ближайшие сутки новых подвижек может и не быть. Шона вам сегодня звонила?

Росс кивает.

– Кэтриона, Шона – прикрепленный к вам офицер, обеспечивающий связь между семьей потерпевшей и полицией. Она будет сообщать вам о любых подвижках. В экстренных обстоятельствах можете звонить сразу Логану. Росс, свяжитесь еще раз с группой по розыску пропавших – напомните им разместить объявление про Эл. Номера телефонов доверия у вас есть?

– Кому нужны эти психологи-консультанты! – бурчит Росс. – Просто верните мне жену!

Рэфик умудряется заглянуть ему в глаза, хотя он выше ее на целый фут.

– Росс, мы ее найдем.

Я видела достаточно паршивых криминальных сериалов, чтобы знать: копы редко это говорят.

Провожая полицейских до двери, и Логан с улыбкой вручает мне свою визитку.

– Если что-нибудь понадобится – звоните.

Рэфик открывает дверь, и они спускаются по ступеням на залитую солнцем дорожку. У ворот Рэфик пропускает Логана вперед, оборачивается и подзывает меня жестом, словно кокер-спаниеля. Нехотя выхожу в холодный светлый сад, сложив руки на груди.

– Если бы Эллис решила уйти от мужа, то куда бы она отправилась?

Удивленно моргаю.

– Понятия не имею.

– Что вы можете сказать насчет Росса?

– А что насчет него?

– Может, хотите поведать мне что-нибудь такое, о чем неудобно говорить в его присутствии? – Я молчу, и она не в силах скрыть раздражения. – Мы связались с Саутваркским университетом, и там подтвердили, что Росс находился у них. Я просто интересуюсь у вас как у члена семьи, не стоит ли нам беспокоиться на его счет?

Глаза инспектора сверкают на уровне моего плеча, я оборачиваюсь и вижу в окне силуэт. Росс наблюдает за нами. Мне становится зябко.

– Нет. Конечно, нет! Росс не виноват. Говорю вам, все устроила Эл! – и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не добавить: «Я давно перестала быть частью этой семьи».

Рэфик пристально смотрит мне в глаза.

– Вы действительно считаете, что с ней все в порядке?

Не дождавшись ответа, она идет по дорожке и открывает калитку.

Смотрю вслед полицейским, слушаю звук двигателя «БМВ», пока машина не исчезает в городе. Оборачиваюсь на окно, но Росс уже отошел. Такое чувство, словно за мной наблюдают. Иду к калитке, оглядываю пустую улицу. Стою на солнышке, греясь.

– Может, она просто не знает, как все исправить, – шепчу я. Под спудом двенадцати лет злости, боли и обиды лежит память о тех временах, когда мы укладывались спать в Джунглях Какаду, взявшись за руки, изо всех сил стараясь не заснуть, чтобы не выпустить руку первой. – Может, она просто не знает, как теперь вернуться...

Глава 5

Просыпаюсь рано. Лежу в постели, глядя на потолок кафе «Клоун», и пытаюсь не обращать внимания на звуки старого дома. Эл и я часами таились в наших крепостях и замках, прислушиваясь, как он стонет и содрогается, и она горячо шептала мне на ухо: «В доме полно призраков!» Мы обе в это верили. Однако призраки пугали нас гораздо меньше чудовищ. Мы просто притворялись, что не слышим их.

Одеваюсь и тихонько спускаюсь по лестнице, сама не зная, зачем крадусь и почему мне так страшно. Изо всех сил цепляюсь за перила, сердце буквально выпрыгивает из груди; и в то же время я чувствую себя усталой и дезориентированной, словно вынырнула на поверхность из глубины ледяного озера, променяв одну смерть на другую. В этом доме происходило и хорошее, и плохое. Насколько же проще забыть обо всем, когда от его стен тебя отделяет целый океан...

Трогаю обои на лестничной клетке – греческие урны и виноградные лозы – и думаю о проволоке и системе рычагов, которые скрываются под штукатуркой и карнизами, как тайный город из паутины. Крученые медные нити терпеливо ждут, готовые натянуться и разбудить спящие внизу колокольчики.

Кухня пуста, но хранит следы пребывания Росса: кофейная чашка и наполненная водой миска из-под хлопьев в раковине, записка на столе.

Новостей нет. Мне не спалось, пошел прогуляться. Наверное, потом загляну в полицию. Угощайся чем хочешь. Целую.

Не отходя от стойки, жадно поедаю две миски кукурузных хлопьев, по подбородку течет молоко. Мама с отвращением отворачивается, приглаживает волосы и хмурится. «Не чавкай, Кэтриона». Дедушка поднимает взгляд от газеты «Дейли рекорд»: «Не ешь стоя, девонька. А ну садись, черт бы тебя побрал!» Сегодня я так по ним скучаю, что сердце сжимается...

Выпив две чашки крепкого кофе, возвращаюсь на второй этаж за ноутбуком. Проверяю почту, сидя за кухонным столом, и надеюсь, что это поможет мне вернуться к безопасной и гламурной калифорнийской жизни. Взамен нахожу три отказа в публикации от журналов и уведомление о выселении, хотя владелица квартирки на Пасифик-авеню – рекламирующая бикини модель по имени Ирена, которая проводит зимы в Палм-Бич, – обещала вернуться не раньше июня...

Закрываю глаза, растираю грудь ребром ладони. У меня почти нет денег, писательской карьеры я так и не сделала. Едва свожу концы с концами, перебираясь с одной съемной квартиры на другую. Ни наград, ни признания, ни Пулитцеровской премии, ни крупных договоров с издательствами. Ничего не вышло так, как я планировала. Покидая Шотландию, я представляла себе совсем иную жизнь, теперь же у меня и дома нет... Все утекает, словно песок сквозь пальцы, – медленно, но верно. И я, как всегда, виню во всем Эл. Только ее.

Собираюсь захлопнуть ноутбук и вдруг замечаю тему непрочитанного письма. Руки застывают над клавиатурой.

«НЕ РАССКАЗЫВАЙ НИКОМУ».

И кому я, интересно, расскажу? Смотрю на адрес отправителя: *john.smith120594@gmail.com*. Впервые вижу. Наверное, очередной американский маркетинговый ход. На какие уловки они только не пускаются, пытаюсь обойти спам-фильтры! Впрочем, в глубине души я понимаю, что это не спам. У меня возникает странное чувство: безразли-

чие мешается со страхом, ощущение новизны – с узнаванием. Вай-фай тут медленный, письмо загружается еле-еле, и я задерживаю дыхание. В горле стоит ком; мне хочется удалить письмо, не читая.

И тут на экране появляются два слова:

«ОН ЗНАЕТ».

Отодвигаю стул, вскакиваю, иду к окну. Яблони качаются на ветру, огромные ветви и тяжелые листья находятся в непрерывном движении. Опускаю взгляд на подоконник и вижу штук пять гвоздей, вбитых в раму, как в кафе «Клоун». Провожу по ним пальцами снова и снова, до боли. Вас тут быть не должно! Кому понадобилось заколачивать рамы? Пойманный в ловушку стекла теплый солнечный свет ничуть не согревает, мои зубы стучат, по коже бегут мурашки.

Оповещение о новом письме заставляет меня подпрыгнуть. Отступаю в глубину кухни, с опаской кошусь на ноутбук.

Снова *john.smith120594*. На этот раз темы нет. Всего одно предложение.

«ПОДСКАЗКА 1. ТАМ, ГДЕ ВСЕГДА НАЧИНАЛАСЬ НАША ОХОТА ЗА СОКРОВИЩАМИ».

Закрываю глаза. Эл! Ну конечно же!

Несуразно большой ключ с бородкой все так же торчит в замке двери буфетной и поворачивается все так же туго. Старый, посыпанный гравием двор исчез, вместо него – ровные плитки и уродливые бетонные постаменты с еще более уродливыми вазонами. Я стою наверху лестницы, ведущей на задний двор, и вижу Эл, марширующую по периметру. Она пинает серебристые и серые камешки, стараясь не поскользнуться на углах.

Парник тоже исчез, зато старая каменная прачечная с окном в красной раме и шиферной крышей все еще маячит на углу дома. На красной деревянной двери крест-накрест висят ржавые цепи и замок. Насколько я помню, ее всегда так запирали, словно каторжника. Стена вокруг сада на месте, в ее тени – густые шпалеры сирени, клематиса, кампсиса, скрывающие от глаз широкие камни и поросшие мхом стыки. Мой взгляд скользит к высокой стене возле прачечной. Там нет ни сирени, ни клематиса, ни даже плюща. Вспышка красного. Дрожь. Снова вспышка. Шепоток серебристого, трепетного ужаса.

Стараюсь не обращать на него внимания, спускаюсь по лестнице в сад, иду сквозь шуршащие заросли мимо сарая, которого здесь раньше не было. Выкрашенные в цвет хаки деревянные стены и черная, крытая толем крыша.

И вот я стою перед Стариной Фредом, где всегда начиналась наша охота за сокровищами.

Эл прятала подсказки, я по ним шла. Крошечные листочки с зашифрованными посланиями, понятными лишь мне. Она рассовывала их повсюду; каждый квадратик бумаги вел к следующему, и приз ждал только в самом конце. Почти всегда – наш с сестрой портрет карандашом или красками, который я прикрепляла булавками к стенам Джунглей Какаду, словно тотем.

Старина Фред ничуть не изменился. Приземистый широкий ствол, ветви без яблок нависают низко и манят. Подхожу к месту, где Эл вырезала наши имена на коре, резко вдыхаю холодный воздух: они все еще здесь и даже не поблекли. Не в сердце, в круге. Протягиваю руку – и отдергиваю, увидев то, что вырезано ниже.

«КОПАЙ».

Медлю, оглядываюсь на пустые окна. Ощувив нечто среднее между надеждой и разочарованием, подчиняюсь.

Особо копать не приходится: у самых корней зияет глубокая дыра, чуть прикрытая землей и листьями. Коснувшись чего-то твердого, я вынимаю обувную коробку и медленно снимаю крышку.

Внутри – пустая бутылка. С этикетки ухмыляется пират с саблей в руке, поставивший ногу на бочонок. Пряный ром «Капитан Морган». Рядом лежат аккуратно сложенные консервы – томаты, печеная фасоль, сладкая кукуруза. Сразу вспоминаю, как мама раз в полгода руководила заменой «тревожных комплектов», которые мы хранили под кроватью: черные матерчатые рюкзаки, набитые непортящейся едой, и бутылки с водой. Она заставляла нас бегать по дому, проводя бесконечные учения – противопожарные, на случай налета противника, ядерной войны... Подогревала нашу панику, поддерживала неумолчный гул обреченности.

Еще там лежит банка краски, точнее, пробник. Поднимаю, читаю этикетку: кроваво-красная. Роняю обратно в коробку, словно обжегшись. Она падает на крошечный квадратик сложенной бумаги. С неистово бьющимся сердцем беру листок и открываю.

«12 ноября 1993. Возраст: 7 лет плюс еще чуть-чуть!

По ночам в нашем доме бродит чудовище.

Не каждую ночь но часто. У него синяя барада оно такое страшное и уродливое что всем леди следует от него немедленно прятаться и не водить с ним компанию.

Так говорит мама. Это из книги.

Она говорит что Синяя Барада и Черная Барада – братья. Синяя Барада живет на суше а Черная Барада – в море. Синяя Барада гораздо опаснее но я больше баюсь Черной Барады потому что он пират а Синяя Барада – тока человек».

Слышу звук, похожий на птичий крик, и прижимаю руку к губам – это кричала я. Пальцы дрожат, дыхание кажется обжигающе горячим. Так и вижу Эл за партой: дневник открыт, локти широко расставлены, лицо сосредоточенное. Сестра медленно записывает события дня аккуратным почерком.

Поспешно встаю, несу обувную коробку к дому. Сердце стучит в горле и в висках. Дойдя до плитки, замедляю шаг, оглядываюсь на прачечную и запертую на всякий замок дверь. В углу поля зрения снова мелькает красная вспышка, и я замираю. Оборачиваюсь к высокой стене, поросшей мхом и лишайником. Ничего. Но стоит закрыть глаза, и я вижу слова, выведенные кровью на голой каменной стене:

ОН ЗНАЕТ

Лунный свет, думаю я, здесь должен быть лунный свет.

Срываюсь и бегу вверх по ступенькам обратно в буфетную, поворачиваю большой ржавый ключ, швыряю обувную коробку в ближайший шкафчик. Возвращаюсь в кухню, смотрю на дощечку со звонками, на колокольчик и язычок под номером три. Представляю узкий мрачный коридор на втором этаже и темную, пыльную дверь в самом конце. Мамино кислое дыхание обдает лицо. «Только суньтесь туда, и я вам ноги повыдергиваю!» Спальня номер три – комната Синей Бороды. На крюках висят тела его жен, по полу течет кровь. Ночью он рыскает по коридорам, заглядывает в комнаты и ищет новых жертв. Меня бросает в холод. Это воспоминание кажется достоверным, хотя и не вполне понятным. И вдруг накатывает следующее воспоминание. Мы с Эл прятались от призраков и чудовищ, обитавших в нашем доме, в кафе «Клоун», но от Синей Бороды – только в Зеркальной стране.

Кладовая в самом конце коридора таится в тени напротив лестницы, скрытая черной плюшевой занавеской. Отдергиваю тяжелую пыльную ткань; металлические кольца звякают, заставляя меня съежиться, и вызывают глухую тоску. Помещение меньше, чем мне запомнилось, – длинное, узкое и холодное. Грязные обои все те же – желтые и оранжевые нарциссы, выцветшие до серого цвета. Деревянный стол у окна, выходящего в сад. Протискиваюсь ближе, касаясь царапин и выбоин на стенах, согретых утренним солнцем. Шкаф тоже на месте и занимает весь южный конец комнаты. Защелка поднимается плавно, будто я открывала ее вчера, а не лет двадцать назад.

Первым делом меня поражает запах. Вместо затхлости тут пахнет клеем! Глаза привыкают к полумраку, и я понимаю, *что* не так: внутри наклеены дешевые бежевые обои. Подтаскиваю табурет, забираюсь в шкаф и почти не раздумывая провожу руками по бумаге. Особо ни на что не рассчитывая, внезапно нащупываю что-то твердое и металлическое. Сердце замирает. Вонзаю ногти и срываю обои. Только б она была здесь! Только б осталась на месте! Оторвав от стены большую часть бумаги, я перевожу дух. Нашла! Передо мной дверь с четырьмя панелями, ржавыми петлями и двумя массивными задвижками.

Дверь в Зеркальную страну.

* * *

Я смотрю на дверь долго. Когда-то к ней крепились на кнопках картина Эл: одна из ранних, где акцент сделан на цвет, а не на форму. Синий, желтый, зеленый. Закрываю глаза. Остров, ну конечно же, это Остров! Неровная береговая линия скал и пляжей, внутри лес и равнина. Тропический рай вместо заснеженной страны чудес – Зеркальная страна стала для нас своего рода Нарнией, только в ней было больше цвета, больше двусмысленности, больше ужасов, больше веселья.

Задерживаю дыхание, отодвигаю задвижку и распахиваю дверь.

Сначала меня обдает холодом. Я и забыла, как здесь студено! Выдыхаю белое облачко пара, и оно клубится в темноте. Раньше на внутренней стороне двери висела карта сокровищ. Черные дороги и зеленые пространства, синяя вода, вулкан. Память проясняется, затем теряет фокус. Я медлю на пороге, не решаясь и шагу ступить, хотя меня вновь охватывает тоска по прошлому и острое желание спуститься в темноту, выйти из этого дома и попасть в другой мир. То же самое я чувствовала в самый первый раз, когда мама показала нам потайную дверь и это секретное место: страх, тревогу, восторг.

Покидаю шкаф и дом, шагнув на первую ступеньку. Содрогаюсь при виде низенькой деревянной крыши и стен, обрамляющих лестницу. Скрип старых досок затихает, и я гадаю, не вызвано ли мое нервное возбуждение призраком ребенка, которым я была когда-то. Мы с Эл столько раз пробирались здесь в темноте, что наши липкие горячие ладошки не могли не оставить бесчисленных следов на стенах и перилах, наши фонарики – пляшущих отсветов, наш приглушенный смех и шепот – эха голосов.

Я освещаю себе путь фонариком на телефоне. От уродливого белого света тени разбегаются. У меня снова кружится голова – как в детстве, когда я с ужасом предчувствовала внезапное падение с высоты, – и я не могу двинуться с места. Закрываю глаза, медленно дышу, приходя в себя. Я уже не ребенок и не позволю своим фантазиям идти вразрез с логикой и реальностью. Бояться тут нечего! Лет двести назад, когда Уэстерик еще был деревней, а этот дом – самым большим во всем поселении, дверь не прятали в шкафу, ею постоянно пользовались. В кухню входили либо с главного входа, либо через задний сад. Кладовая, дверь, лестница и узкий проход между домами служили черным ходом. Задняя часть дома сидит в земле гораздо глубже, чем фасад, и жилые комнаты находятся футах в десяти или даже больше от

уровня двора. Крытая деревянная лестница применялась для той же банальной цели, что и лестница в буфетную, – для доступа на нижний этаж.

И все же телефон в руках дрожит. Стены и крыша расступаются, и я нерешительно замираю у подножия лестницы, чувствуя сквозняк. Здесь больше власти и у тьмы, и у воспоминаний. Меня охватывает предчувствие, острое и кислое, как лимонный сок, попавший в ранку.

Делаю шаг и ступаю на каменный пол. Вот я и в Зеркальной стране!

Встроенный фонарик судорожно выхватывает кирпичи, дерево, паутину, и я беру его двумя руками. Кэт, прекрати! Ты всего лишь в проходе между домами. Выложенный камнем коридор между южной стеной дома и оградой имеет футов десять в ширину, сверху его укрывает низкая деревянная крыша – похоже на элемент средневековых фортификаций под названием гурдиция. Он тянется от заложенной кирпичом двери до сада перед домом на западе и каменной прачечной на востоке. Прачечная замерла в конце прохода, словно часовой, блокируя выход в сад позади дома.

Еще раз поворачиваюсь по кругу, и замерзшее дыхание закручивается туманным кольцом. Сквозь щели в деревянной крыше проникает утреннее солнце, пронзая воздух яркими лучами. Поднимаю голову и вижу лампочку, свисающую с конькового бруса. Дернув за шнур, жмурюсь от ослепительного света. У меня никак не получается поверить, что время здесь вовсе не остановилось, и все, что я вижу и чувствую, – лишь старые призраки, эхо меня прежней, эхо моей сестры... И волшебной страны.

Я не могу отрицать очевидного, чем бы этот закуток ни был на самом деле – черным ходом, помещением для прислуги, пустым, продуваемым сквозняками пространством с каменным полом – неважно. Главное в другом: когда-то здесь кипела жизнь, восхитительно-пугающая и непоколебимо-безопасная. Неввероятно увлекательная, тайная и особенная. Наша жизнь.

Оборачиваюсь к заложенной кирпичом двери. Большая часть Зеркальной страны, протянувшаяся от подножия лестницы до этой двери, называлась Бумтаун: пыльный дощатый тротуар из ящичков из-под фруктов и досок футов шесть в ширину, где находились почта и полицейский участок: стойка и столы из картонных коробок, сиденья из диванных подушек и одеял. В юго-западном углу у самой стены был салун Трехпалого Джо, в северо-западном – вигвамы племени лакота-сиу и квадратная арена для тренировок, обозначенная палками.

Позже Бумтаун стал тюрьмой Шоушенк, салун Трехпалого Джо – куда менее экзотичной комнатой отдыха и досуга для заключенных, деревянные ящики – дверями и стенами Блока номер пять, а мы – его обитателями. В лучшие времена Эл заставляла меня сидеть рядом с ней часами, мастера оружие из зубных щеток и старых дедушкиных бритвенных лезвий.

Поворачиваю на восток, иду к прачечной, провожу ладонью по шероховатым кирпичам внешней стены. С другой стороны находится еще один длинный проход и зеленый сад, еще один похожий на мрачную пещеру дом – здание времен Викторианской эпохи с эркерами, крашеными кирпичами и прибоинами, прикрывающими торцы кровли. Проход сужается возле большого запертого шкафа, в котором когда-то хранились наши настольные игры и книги. Рядом стоит широкая синяя коляска с тремя ржавыми колесами и вместительным поддоном для покупок, в углу складного верха – полинявшее название лейбла, «Серебряный крест».

Дверь прачечной не заперта, ее никогда не запирали, потому что выход в сад блокируют ржавые цепи и висячий замок. Прачечная была самой важной частью Зеркальной страны – теплая, с надежными стенами, необходимая нам как воздух. Хотя всего полчаса назад, стоя на ступенях буфетной, я видела всего лишь покосившееся каменное здание с окном в красной раме и шиферной крышей...

Открываю дверь, ступаю на старые пыльные доски с остатками краски. Они стонут и опасно прогибаются, заставляя меня нервничать. В прачечной пахнет плесенью, сыростью и чем-то прелым, вроде компоста. Запах напоминает мне о многих давным-давно забытых вещах еще до того, как я сворачиваю в основную часть помещения, освещенную льющим из

окна светом. В каждом углу стоят стопки ящиков и коробок, внизу – груды грязного белья и два напольных вентилятора с черными скрученными шнурами.

– Боже мой!

Голос отдается эхом, слабым и хриплым. Обнимаю себя за плечи и оглядываю стены прачечной. Синее небо и бирюзовый океан, белые облачка и пена волн – мазки кисти неаккуратные и торопливые. На полу, под пылью и грязью, проступает угольный контур «Сатисфакции»: бушприт, кливер, бак, фок. Шепчу названия частей корабля, проходя по ним. Верхняя палуба и батарейная палуба, черные каракули Эл: «Запасы воды и рома – здесь! Пороховой погреб – здесь!» Двигаюсь от одного конца прачечной до другого: кубрик, грузовой отсек, грот, воронье гнездо, штурманская рубка, капитанская каюта, корма. Вокруг двух кранов обвит покрытый мхом шланг, насадка лежит в старой мойке. Над ней Веселый Роджер – грубо намаляванный череп и скрещенные кости крепятся к стене черной изолентой. Вверху окошко-иллюминатор, сквозь который струился лунный свет, и мы вели свой корабль, ориентируясь по звездам, потому что Бумтаун и Шоушенк здесь были днем, а «Сатисфакция» – в основном по ночам.

На крюке, ввинченном в восточную стену, до сих пор висит кормовой фонарь – пыльный и меньшего размера, чем мне запомнилось. Свеча за мутными стеклами догорела до конца. Протягиваю к ней руку, замираю и резко отдергиваю. Шея противно хрустит. На стене над фонарем нарисован огромный контур массивного корабля Черной Бороды. Всегда у нас в фарватере. Всегда чутьчку ближе.

Некоторые вещи исчезли – к примеру, большой деревянный сундук со ржавым висячим замком, перетянутый ремнями из черной кожи. Мы хранили в нем добычу, захваченную в набегах на Пуэрто-Принсипе и испанские колонии: столовое серебро, подсвечники и шкатулки с безделушками, которые на время брали из кухни и из Тронного зала. Наполненные водой основания пляжных зонтиков, куда мы втыкали мачты, тоже пропали. Зато все остальное, включая штурвал (позаимствованное у детской коляски колесо), выглядит так, словно мы с сестрой ушли отсюда только вчера: со смехом выбрались на сушу, фонариками освещая себе путь в темноте...

Медленно иду обратно по линиям, обозначающим главную палубу. Внезапно осознаю, что впервые за много дней улыбаюсь. Корабль – самое первое, что мы построили в Зеркальной стране. Водоизмещение две тысячи тонн, три мачты – настоящий пиратский флагман с бочонками пороха, погонным оружием¹ и сорока пушками, заряженными картечью. Корабль был душой Зеркальной страны. Мы жили и дышали ее магией, грелись как у огня и загорались как от фитиля, а потом бросались навстречу приключениям. Мягкие гниющие доски под ногами проседают, лицо ласкает теплый дождик, канат свернулся вокруг главной мачты, словно змей, паруса хлопают на ветру; иногда дует тропический десятиузловой с юго-востока, иногда – ледяной сорокаузловой с севера Атлантики. Руки обжигает старая веревка, а я все тяну и тяну, поднимаю парус, закрепляю конец... Эл стоит у штурвала, выкрикивая команды: «К повороту! Лечь в дрейф! Свистать всех наверх!»

Как мне ее не хватает! Внезапное осознание пронзает меня болью, и я больше не в силах отрицать очевидное. Я скучаю по ней.

Эл старше меня на четыре минуты. Мы это знали, потому что мама напоминала нам каждый день. Обычно далее следовала одна из ее любимых историй: мрачная сказка про дегустатора ядов в династии правителей Персии. Дегустатором всегда назначали старшую сестру падишаха. Днем отважная принцесса пробовала пищу и напитки падишаха, а на ночь глотала жемчужину, которой касались все подданные, и все их преступные замыслы и злые слова черной мглой вплавлялись в ее плоть и кости, испещряли ее ранами и нарывами, жгли как огнем. И

¹ Погонное оружие – пушка, которая может стрелять только по ходу (по носу) корабля. – *Здесь и далее прим. пер.*

хотя жизнь несчастной была полна боли, страданий и неблагодарности, жизнь падишаха обходилась без них, и ей этого вполне хватало, чтобы каждый день снова приступать к своим обязанностям. Для мамы мораль заключалась в том, что старшая всегда должна присматривать за младшей, но для Эл это означало, что она – главная и наделена высшим правом всюду идти первой.

Поэтому я настояла на том, чтобы завести команду. Если капитан Эл и давала мне крутануть штурвал разок-другой, то следующего раза приходилось ждать по много недель. Будучи первым помощником, я тоже хотела покомандовать. В разное время под моим началом служила целая вереница Старых морских волков – в зависимости от того, какие исторические персонажи у нас в чести – залетные ковбои, или индейцы из Бумтауна, или клоуны, решившие отдохнуть от цирка. Постоянных членов команды было всего трое. Энни, второй помощник и главный штурман: высокая, никому не дававшая спуску рыжеволосая ирландка, названная в честь карибской леди-пирата Энн Бонни. Белла, наш канонир: юная, бесстрашная и веселая брюнетка, вместо штанов носила платья, красила губы кроваво-красной помадой и прятала в длинных волосах кинжалы. И Мышка, робкая и послушная настолько, чтобы сносить наихудшие проявления деспотизма Эл, избавляя от них меня. Щуплая, молчаливая и бледная девчушка, всегда в черном, сновала по носу и корме, по левому и правому борту: наша служанка, наша пороховая мартышка и рабыня в одном лице.

В иные ночи мы просто плавали – искали Остров и старались хоть немного опередить «Мечь королевы Анны» Черной Бороды. В иные ночи бросали якорь, чтобы совершить набег или поискать спрятанные сокровища. В иные ночи пытались подавить бунт команды и придумывали изощренные наказания: протаскивали несчастных под килем или пускали прогуляться по доске, смазанной салом. Как правило, мы подвергали бунтовщиков нереально сложным испытаниям, поскольку твердо верили в пользу жестокого искупления. В иные ночи боролись со штормом и чужими кораблями: военными фрегатами и торговыми конвоями, другими пиратскими бригаantinaми. В ушах звенели крики умирающих и треск дерева, рев пушек и мушкетеров, вой шквального ветра.

«Вперед, сыны пожирателей печенок! Не щадить никого! Нет добычи – нет денег!»

Черная Борода вечно сидел у нас на хвосте. А еще мы всегда надеялись увидеть на горизонте капитана Генри. Ждали, что он придет к нам на помощь и выручит из беды. Мы знали, он непременно появится. Рано или поздно он вернется за нами...

Открываю глаза, моргаю. словно во сне пересекаю палубу «Сатисфакции», выхожу из прачечной обратно в узкий проход между домами. Внезапно останавливаюсь и поворачиваюсь лицом к внешней стене, прижимаю онемевшие пальцы к шершавому камню. По телу пробегает дрожь. Где-то здесь висел портрет капитана Генри, нарисованный Эл. Суровый и неулыбчивый, позади – морская синева и зелень Острова. Вспоминаю бутылку из-под рома в обувной коробке. Капитан Морган был нашим героем: самый храбрый и лучший из всех пиратов. Король пиратов!

Прислоняюсь к стене. Я столько всего позабыла, а ведь прошлое все еще таится здесь по пыльным темным углам... Мне хочется поскорее уйти, глотнуть свежего воздуха, который не пахнет сыростью и мхом. У подножия лестницы я снова замираю. Поднимаю взгляд и вдруг вижу белую карточку, прикрепленную черной изолентой к деревянной крыше.

Белоснежка, бывало, скажет: «Мы не покинем друг друга никогда-никогда!» и Алоцветик отвечает: «До тех пор, пока мы живы».

У всех пиратов должен быть тайный шифр, говорила мама, и мы тоже придумали свой. Хотя он и стал неотъемлемой частью Зеркальной страны, эта карточка не похожа на старые послания. Она новая.

Глаза застилает красная пелена. Кроваво-красная. «Он знает». Я это чувствую, слышу в жарком шепоте, бьюсь в нем, словно комар. Меня охватывает ужас, впивается в горло липкими пальцами и душит... Сверху доносится до боли знакомый шум: глухой металлический стук. Ледяной сквозняк дергает меня за волосы, царапает кожу. Лампочка на потолке внезапно гаснет, я отшатываюсь от стены и чувствую порыв холодного воздуха, слышу знакомый голос, истошно орущий:

«Беги!»

И я бегу. Хватаюсь за перила и карабкаюсь вверх: руки липкие от пота, сердце бешено колотится. Темный и стылый коридор за спиной настигает меня словно чудовище – ревущая волна, густая от водорослей и хитиновых панцирей. Лестница слишком крутая. Царапаю костяшки о стену, по коже бегут мурашки, лучи света, бьющие сквозь щели в деревянной крыше, подобны грозovým молниям. Мертвые огни, думаю я, это же Мертвые огни!

У самого верха оступаюсь и едва не падаю навзничь. И вот я уже снова в шкафу; захопываю за собой дверь в Зеркальную страну, задвигаю засовы и возвращаюсь в ярко освещенную кладовую.

* * *

Я не спятила. И я вовсе не бессердечная стерва, как, вероятно, считает инспектор Рэфик. Интуиция меня не подводит. Эл – она жива! Не может она быть мертвой, если шлет письма, прячет коробки в саду и оставляет зашифрованные предупреждения, прикрепленные изолентой к потолку. Ворошит наше прошлое, о котором я решила забыть раз и навсегда, играет в свои чертовы игры... Вот кто точно спятил!

Я-то знаю, что она задумала. Вечно одно и то же!

Это – охота за сокровищами. Карта у сестры, и мне ничего не остается, кроме как ждать следующей подсказки.

Глава 6

Джунгли Какаду вокруг нас взрываются птичьими криками: совиные козодои, калифорнийские кондоры, гигантские ибисы, какапо. Чайные деревья, железные деревья, баньяны неистово трещат под порывами горячего ветра; болотистые низины, речушки и водопады превратились в ревущие потоки. Птицы с воплями исчезают в густой листве, небо наливается тьмой и опускается все ниже, зигзаги молний пронзают зелено-коричнево-золотые заросли, расщепляя дерево, железо и камень. В темноте мелькают тени злодеев – лица искажены, зубы оскалены. «Потому что все мужчины – пираты», – говорит мама. Даже Прекрасный Принц ничуть не лучше Черной Бороды: коварный красавчик, которому нельзя доверять. Мы должны спасти себя сами. И мы с Эл бежим. Лучи фонарей мечутся, выхватывая зубастые пасти. Накатывает огромный вал из воды, ветра, плоти и света – широкий и ослепительно яркий. Он катится по джунглям, как взрывная волна, как землетрясение. Двигается к нам и вот-вот захлестнет наши золотистые покрывала, словно лавина из грязи, камней и мертвых огней.

Похоже, я проснулась от собственного крика. Открываю глаза и вижу склонившегося надо мной Росса: лицо встревоженное, рука сжимает мое правое плечо. Я лежу в гостиной на диване в стиле честерфилд, рядом с комодиком красного дерева на низких ножках в форме когтистых лап, опирающихся на шар, который, как клялся и божился дедушка, был подлинный чиппендейл. А напротив – обтянутое желтой парчой кресло-качалка и глубокое кожаное кресло, причем настолько похожие на те, что стояли здесь в моем детстве, что я так и вижу маму с бабушкой, сидящих лицом друг к другу перед камином. Перевожу взгляд на выложенную бирюзовой плиткой барную стойку в стиле ар-деко, которую мама называла бар «Пуаро».

– Ты кричала, – хмуро сообщает Росс.

– Смена часовых поясов сказывается, – объясняю я и встаю. Ноги подкашиваются, но я пытаюсь улыбаться. – Мне нужно подышать свежим воздухом.

В прихожей останавливаюсь возле вешалки и вместо своего анорака беру серое кашемировое пальто, которое наверняка принадлежит сестре. Перед тем как надеть его и затянуть пояс, бросаю взгляд на лейбл. «Вивьен Вествуд». Мы всегда носили одну и ту же одежду, думаю я, отпирая дверь. Хотя на самом деле это не так: покинув дом, мы оставили позади почти все, что нас объединяло и заставляло быть одинаковыми.

Воздух снаружи свежий, но мне ничуть не легче. В детстве мы с Эл часто видели одни и те же сны, одни и те же кошмары. Чаще всего нам снились Джунгли Какаду, потому что каждую ночь мы засыпали, держась за руки под золотистыми покрывалами, в комнате с обоями в виде тропического леса, хранившей эхо наших игр перед сном, где мы были отважными викторианскими исследователями. Я не вспоминала про Джунгли Какаду много лет, ни разу не видела их с тех пор во сне и ничуть по ним не скучала.

Открываю калитку, и та громко скрипит. Выхожу на тротуар, чувствуя себя крайне неловко. Какого черта я нацепила пальто сестры? Внезапно тревога усиливается, кожу покалывает. Резко оборачиваюсь и вижу силуэт человека, наблюдающего за мной с противоположного угла улицы. Стоит и смотрит. Мужчина в темном пальто, капюшон надвинут на лицо. Мертвые огни, вспоминаю я, – это глаза пиратов в темноте. Или укрытый от ветра фонарь, который дает очень тусклый свет. А еще мертвые огни – это глаза тех, кто рыщет в ночи. Кто пришел за тобой... С трудом перевожу дыхание и все же делаю шаг вперед. Еле слышно окликаю незнакомца, потом кричу громче, но он исчезает за углом.

Ну и пусть. Поворачиваюсь в противоположную сторону и стремительно вхожу в супермаркет «Колкохун». Внутри тихо, почти пусто. Бросаю в корзинку итальянские макароны, красный соус песто и фоккачу, затем направляюсь напрямиком к выпивке. Дыхание все еще

быстрое и неровное. Может, просто репортер, любопытный сосед или тот самый тайный преследователь, который шлет...

– *Oh! Dieu merci! J'y crois pas...*²

Я отшатываюсь – и от голоса, и от руки, которая легла мне на плечо – и ударяю корзинкой по пивной полке. Незнакомая женщина зажимает рот рукой, и я тут же понимаю, что случилось. Почему мне раньше не пришло в голову? Как выясняется, неловкая ситуация в баре аэропорта Кеннеди – ничто по сравнению с тем, что ждет меня здесь, в Шотландии. Могла бы догадаться, надевая чертово пальто... Она приняла меня за Эл!

– *Excusez-moi...* мне очень жаль! Я не хотела... – Высокая, стройная, лет сорока, дорогая одежда и умелый макияж. Черные волосы собраны в узел на затылке. В ее облике есть легкая небрежность, которая, вероятно, требует огромных усилий. У меня так точно не выйдет. – Я – Мари Бернар, а вы – Кэтриона, Кэт из Америки. – Она сжимает мою руку длинными пальцами и сияет улыбкой. – Конечно, Эллис мне все-все про вас рассказала!

Мысль о том, что Эл откровенничала с ней обо мне, изрядно смущает. Женщина снова улыбается, но глаза у нее красные и уставшие. Не было ли облегчение в ее возгласе наиграннейшим?

– Как вы на нее похожи! – Мари склоняется ко мне, благоухая «Шанелью № 5», потом спохватывается и отступает.

– Вы дружили с Эл?

– *Oui*³. – В ее глазах мелькает непонятное выражение. – Мы обе. Знакомьтесь, это Анна.

Она кивает в сторону кассира. Та оборачивается, оглядывает меня с головы до ног раз, другой. Не улыбается. И с акцентом замечает:

– Вы точь-в-точь как она.

Восточная Европа, судя по светлым волосам и скулам. Я смущенно тереблю лацкан пальто.

– Много лет назад я переехала сюда с бульвара Бельвиль в Париже, – продолжает Мари. – На самом деле мы с Эл познакомились тут, в магазине. Когда нет посетителей, мы вдвоем уходили в подсобку и пили дрянные коктейли прямо из банок.

– Просроченные, – поясняет Анна, взглянув на Мари. – Полная дрянь.

Мари смеется, потом осекается.

– Мы – очень хорошие подруги.

– Эл – прекрасный человек! – заявляет Анна со слезами в голосе.

Мари кивает, поворачивается ко мне.

– Новостей нет?

– Увы, пока ничего.

Повисает неловкая пауза, и я вовсе не спешу ее заполнить. Эл никогда не отличалась общительностью. Подростком она водила компанию в основном с моими друзьями. Мы с Россом были единственными близкими ей людьми, однако эти женщины, похоже, не просто с ней знакомы – они действительно ее близкие подруги.

– И как там Росс? – наконец спрашивает Мари.

– Не очень, учитывая обстоятельства. – Я беру две бутылки вина и медленно направляюсь к кассе. – Мне нужно спешить...

– *Bien sûr. Pardon*⁴. – Улыбка Мари гаснет. – Приходите в гости. На чай, на аперитив – да на что угодно. Я живу совсем рядом, в крайнем доме. – Она показывает на Пряничный

² О, слава богу! Я в это не верила... (*фр.*)

³ Да (*фр.*)

⁴ Понятно. Простите (*фр.*)

курятник, и я замечаю светлый келоидный рубец, резко выделяющийся на темной коже, от запястья до локтя. Поймав мой взгляд, Мари поспешно одергивает рукав.

– Расскажите, если станет хоть что-нибудь известно?

– Конечно, – я киваю.

Мари касается изумрудно-зеленого шарфика, и я замечаю шрамы на костяшках пальцев. Под виртуозно наложенным макияжем кожа на щеке топорщится, напоминая вспучившуюся штукатурку. Молчание затягивается. Женщина спохватывается, машет рукой и удаляется, обдав меня еще одним облачком «Шанели».

С облегчением поворачиваюсь к кассе, в то же время чувствуя себя немного виноватой.

– Пакет нужен? – спрашивает Анна с каменным лицом.

Я киваю, она выхватывает пакет из-под прилавка, потом начинает яростно пробивать покупки и отбрасывать их в сторону.

Прочищаю горло и вежливо интересуюсь:

– Что с вами?

Кассир швыряет бутылку вина не глядя, и ее щеки заливают румянец.

– Понять не могу, зачем вы вернулись?

– Прошу прощения?

– Эл нам рассказывала, что между вами произошло, – в глазах Анны снова вызов, – и почему вы уехали.

Мне остается только гадать, что она им сообщила. Эл умеет исказить правду до неузнаваемости.

– Случившееся между нами вас не касается!

Анна нервно сглатывает, расправляет плечи.

– Лучше уезжайте. Она не хотела бы вас здесь видеть.

Прикладываю карту к терминалу, хватаю пакет с покупками и направляюсь к двери. Я слишком не в себе из-за смены часовых поясов и настолько зла, что решаю промолчать.

– Будьте осторожней! – кричит Анна мне вслед.

В ее голосе больше нет холодности, и прощальные слова звучат скорее как предупреждение, чем как угроза.

* * *

Когда я прихожу из магазина, Росса внизу нет. Наверное, так даже лучше. Я в раздрае. Станный сон и разговор с Анной выбили меня из колеи не меньше, чем электронные письма Эл, страницы из ее дневника и возвращение в Зеркальную страну. Я знала, что после стольких лет придется нелегко, но не до такой же степени! Мне страшно и непонятно, чего еще ждать.

Стою у плиты. Макароны развариваются в клей, я их выбрасываю и начинаю заново. Смотрю, как бурлит вода, и вспоминаю маму. Она гладит меня по щеке, ногти царапаются. «Не будь как я, Кэтриона. Старайся видеть во всем хорошее, а не только плохое». И я представляю, как мы с Эл сидим за столом, тайком суя в рот приторно-сладкие дедушкины ириски, пока мама не видит. Швыряем носки на подвесную сушилку для белья, которую мы окрестили Мораг в честь планеты в галактике Андромеды. Одно очко за попадание на деревянную перекладину, десять – если носок повиснет на железной штанге...

Телефон вибрирует, я вскакиваю и судорожно роюсь в кармане.

Электронное письмо от *john.smith120594*. Тема – «Он знает».

И само сообщение:

«Подсказка 2. Там, где умер дедушкин старпом Ирвин».

Гнев приносит облегчение, а вот без внезапно нахлынувших воспоминаний я вполне обошлась бы. Отворачиваюсь от плиты, сажусь за стол, где дедушка впервые рассказал нам о

гибели несчастного Ирвина. В тысяча девятьсот семьдесят четвертом дедушка едва не лишился ноги и чуть не погиб во время двухдневного промыслового рейса в Северное море на борту кормового траулера «Реликт». Потом он рассказывал эту историю так часто, что нам стала сниться снежная буря, крики чаек и олуш, запахи морского дна, когда тросы вытягивают трал из Дьяволовой впадины и разит солью, нефтью, илом. Лебедку заклинило, гидравлика воеет, сеть зацепилась за дно, и судно кренится, а дедушка и его старпом Ирвин скользят по палубе к распахнутым траловым доскам и морю. Нога дедушки застряла между досками и сломалась, но все же он нашел в себе силы бросить Ирвину крюк и до последнего пытался вытащить друга, пока тот не разжал руки.

Все выжившие матросы «Реликта» получили компенсацию, но дедушке досталось больше всех, потому что именно он писал отчет за отчетом про неисправные траловые доски, потому что именно он потерял друга и едва не лишился ноги. В итоге ему выплатили достаточно, чтобы он смог уйти на пенсию и купить этот дом. «Зря парни меня недооценивали, милая, – говаривал дедушка. – Тот чертов шкипер все равно был оторви и выкинь». В отличие от мамы дедушка признавал только одно правило и руководствовался им всегда и везде: «На любом судне найдется свой поганец, а если его нет, то поганец – ты».

Встаю из-за стола, иду к ветхим бежевым шкафчикам. Сажусь на корточки, начинаю открывать дверцы и раздвигать в стороны пластиковые пищевые контейнеры. В последнем шкафу возле задней стенки нахожу крошечное черное пятно, нарисованное углем и шариковой ручкой. Дьяволова впадина. Эл обожала портить шкафчики и ящики, устраивая в них тайники, которые не найдешь, если не знаешь, что они там есть. Она нарисовала Дьяволову впадину в углу полки через пару дней после того, как дедушка впервые рассказал нам эту историю. Встаю на колени и дотягиваюсь до сложенного листка под полкой. И едва успеваю обнаружить, что их там два, а не один, как кто-то шипит мне прямо в ухо: «Ах ты, гадкая паршивка!»

Испуганно отшатываюсь, похоже, я невольно вскрикнула. Выдергиваю руку из шкафа и отчаянно перебираю ногами, пока не упрусь в противоположную стену. Нервно сглатываю. На кухне никого нет, но голос все еще звенит в ушах. Такой язвительный, такой злобный. И где-то на задворках сознания всплывает образ женщины: высокая, коротко стриженная брюнетка. Ведьма!

– Что ты делаешь? – интересуется Росс, стоя на пороге кухни.

– Просто поскользнулась, – с деланным смешком восклицаю я, потирая руку, и сую в карман два свернутых листка. Росс помогает мне подняться с пола.

Я знаю эту женщину – по крайней мере, так мне кажется. Смутные воспоминания, вызванные к жизни свистящим шепотом, выются, словно завитки дыма. Ее голос – тонкий, высокий и грозный. Брови насулены, глаза сощурены и смотрят на меня так, словно я – самое отвратительное создание на свете. Дедушка нашел меня плачущей за кухонным столом, подмигнул, похлопал по плечу. «Не горюй, девонька, никто у нас пока не помер!»

Возвращаюсь к кухонному шкафчику, смотрю на две плитки под ногами и темное ржавое пятно на стыке между ними. Вздрагиваю, пытаюсь выкинуть это из головы. Бросаю взгляд на макароны – они вот-вот снова разварятся в клей.

– Готовы.

Мы оба едим как роботы: медленно, размеренно и четко. После ужина вид у нас ненамного лучше. Я встаю, открываю дверцу холодильника и достаю бутылку вина.

– Нижний ящик морозилки в нашем старом холодильнике всегда был забит замороженными сосисками в тесте, и на упаковках надпись большими черными буквами: «На мои похороны – не трогать!» – говорю я, пытаюсь снять напряжение. – Дедушка называл их холодной закуской. – Вспоминаю его немудреные шутки, его усмешку. «В наши дни хорошая закуска на похоронах – большая редкость, цыпа».

Поворачиваюсь к Россу, с удивлением вижу насупленные брови и злобный взгляд. Вдруг его лицо расслабляется, становится отрешенным так быстро, что меня пробирает дрожь. Наверное, почудилось.

– Что с тобой, Росс?

И я почти с облегчением снова вижу ту же самую злобную усмешку.

– Сама как думаешь, Кэт?

– Извини. Конечно, тебе плохо. Я вовсе не хотела...

– Черт! Не обращай внимания. – Он трет глаза и улыбается через силу. – Просто вымотался.

Открываю вино, разливаю по бокалам.

– Сегодня я познакомилась с Анной. Она всегда такая стерва?

– Какая Анна?

– Из супермаркета. Красивая блондинка, русская.

– Ах да, Анна... Не русская, словачка. Она бывает... – Росс неопределенно машет рукой. – Не знаю, приткой, что ли...

Делаю глоток вина.

– Эл думает, что Анна с тобой заигрывает? – Эл всегда была ревнивой. По крайней мере, Росса она ревновала постоянно.

Он молчит, и я ищу менее опасную тему.

– С Мари я тоже познакомилась. Она спросила, есть ли новости и...

Росс резко встает из-за стола и отворачивается.

– Не знаю, о ком ты говоришь.

– Вроде бы она с тобой знакома. Назвалась подругой Эл. Она живет в Пряничном курятнике.

– Где?!

– Через дорогу, в многоэтажке.

Росс стоит ко мне спиной, и я не вижу его лица.

– Понятия не имею, о ком ты говоришь.

Впрочем, какая разница? У Эл всегда были секреты. Она не любила смешивать ни еду, ни людей. Даже в детстве терпеть не могла, когда в тарелке все лежало вперемешку, и брезгливо отодвигала разные виды пищи к краям, оставляя между ними пустое место.

– Не знала, что у Эл была депрессия, – наконец говорю я, желая поскорее прервать затянувшееся молчание.

Росс оборачивается.

– Черт, я ведь психолог-клиницист! – В его голосе больше нет злости, только усталость. – Каждый день вижу десятки пациентов с хронической депрессией, биполярным расстройством, посттравматическим стрессом. – Он садится и подпирает голову руками. – А своей жене помочь не смог...

– Ты же считал, что у нее легкая форма! Ты сказал инспектору Рэфик, что депрессия Эл...

– Знаю. Рэфик сгодится любой предлог, чтобы от меня избавиться. Сама видела, что она думает об открытках. Я для нее – как шило в заднице.

– Послушай, все не так...

– Небось считает, что я сам подкинул тебе ту открытку, – добавляет Росс. – Чтобы расследование не свернули.

Мне хочется продолжить разговор об открытках, но его опущенные плечи заставляют меня промолчать. Как же подбодрить Росса? Он уже знает, что я не верю ни в смерть Эл, ни в то, что она действительно пропала. Если расскажу про подсказки в электронной почте, он наверняка заявит, что письма не от Эл, хотя это наиболее логичное объяснение. К тому же

как бы мне ни хотелось, нельзя забывать про предупреждение – «Не рассказывай никому!» В результате получается именно так, как задумала Эл: мы с Россом лежим по разные стороны тарелки.

– Да, пожалуй. Спорим, она не пропустила ни одной серии «Главного подозреваемого»?

Росс не отвечает, и я смотрю в окно. Солнце опускается за внешнюю стену сада, заливая траву золотистым светом.

– Почему все рамы забиты гвоздями?

Он моргает и смотрит на подоконник.

– Мы решили, что Макдональды сделали это в целях безопасности – ну, окна-то совсем старые. – Коротко улыбается. – После переезда я вызвал реставратора, и тот сказал, что нужно менять все нижние рамы. Это обошлось бы нам в несколько тысяч фунтов. – Улыбка у него грустная. – Честно говоря, мне они не мешают. Я решил, что так безопаснее для Эл, когда меня нет.

Мы долго сидим и молча пьем вино. Наконец Росс встает, относит свой бокал в раковину.

– Пойду попробую хоть немного поспать.

– Ладно.

Он останавливается на пороге кухни.

– Объясни мне, Кэт. Почему ты так уверена, что она жива?

– Если б она умерла, я непременно почувствовала бы, – отвечаю я. – Я бы знала.

Он сжимает дверную ручку так, что белеют костяшки.

– Думаешь, я бы не почувствовал? Ты совсем ее не знаешь... Черт возьми, Кэт, тебя здесь не было целых двенадцать лет! Она не стала бы ни имитировать свою смерть, ни слать самой себе открытки с угрозами. Мы с ней любили друг друга!

Не знаю, кого Росс пытается убедить, себя или меня, но его слова и внезапная злость ранят больно. Они жгут мне горло, от них щиплет глаза. И тут я понимаю, что он делает это вполне осознанно. Не может задеть Эл, так хотя бы отыграется на мне. Или же, глядя на меня, он видит ее...

– После твоего отъезда Эл изменилась, – заявляет Росс. – Она никогда так со мной не поступила бы!

– Люди не меняются, – бросаю я, не в силах сдержаться. И я действительно в это верю.

Росс кривит губы в невеселой усмешке.

– Эл всегда считала, что твоя суперсила – отрицание. – Он открывает дверь и уходит не оглядываясь.

Сажу за кухонным столом и смотрю в окно. Я взмокла от пота, измучена и в то же время напряжена. Достаяю из кармана первый листок бумаги и разворачиваю.

10 января 1993 года = 8 лет с половиной

Мама говорит что по ночам Синяя Барада рыщет в поисках новой жены чтобы запечатить ее и повесить на крюк когда разозлится. Синяя Барада – трус высшего пошиба.

Она говорит что когда мы плаваем на «Сатисфакции» в поисках капитана Генри и Острова то должны вести себя хорошо и не ссориться иначе Черная Барада за нами придет. Потому что Черная Барада – самый плохой пират! Он хитрый и подлый только и знает что лжет. Он хочет поймать нас обмануть и бросить на съедение акулам. Но у него ничего не выходит.

Она просто вас пугает говорит Росс.

Глава 7

23 августа 1995 = 9 лет + 2 месяца (почти!)

Нам с Кэт хорошо вдвоем но мне нравитца когда тут Росс хотя нам приходитца играть в то что захочет он вроде спагетти-вестернов.

Сегодня мы были памошниками ширифа в Бумтауне и сдерживали натиск аклахомского зброда (не знаю, как это пишется!). Нам пришлось защищать город самим потомучта шириф Хэнк уехал в Дедвуд и мы не знали когда он вернется. Я спряталась за стеной САЛУНА ТРЕХ-ПАЛОГО ДЖО с КОЛЬТОМ СОРОК ПЯТОГО КАЛИБРА. (Росс запретил клоунам играть – он не боится клоунов как мама или Кэт проста не любит). Беллу и Мьшку ранили в ПЕРЕ-СТРЕЛКЕ потомучта Росс говорит они хриново стреляют.

А мы – МЕТКИЕ СТРЕЛКИ как Энни. Хотя я – получше Кэт.

Мама ВСЕГДА говорит что хороших ПРЕКРАСНЫХ ПРИНЦЕВ как в Золушке или в Спящей Красавице не бывает.

НО если есть пираты и принцессы и феи и клоуны и русалки и дегустаторы ядов и ЗЕРКАЛЬНАЯ СТРАНА то ДОЛЖНЫ БЫТЬ и хорошие прекрасные принцы.

Сегодня Росс держал меня за руку почти десять минут. И улыбнулся мне когда вылезал из нашей ЗЕРКАЛЬНОЙ СТРАНЫ когда нас позвали домой пить чай. Я не сказала Кэт.

Я помню улыбку Эл в тот летний день, когда Росс с матерью переехали в старый дом Маккензи, что стоит рядом с нашим. Он пустовал много месяцев: сначала его заколотили досками, потом железными скобами, и табличка «Продается» на лужайке постепенно заросла сорняками. Эл отвернулась от окна, сама не своя от радости, и широко улыбнулась. Мальчик! Нам было по семь лет. А уж когда Росс выглянул из окошка своей комнаты над садовой стеной и спросил, как ее зовут, Эл взбудоражилась так, что заразила и меня. Я сидела, скрестив ноги, на золотисто-желтом покрывале и читала «Питера Пэна». Меня словно молния пронзила, сердце загрохотало в груди.

В шиферной крыше прачечной было старое окно-люк, черное от палой листвы и грязи. Стены вокруг сада – высокие, не залезешь, и мы прекрасно понимали, что скажет бабушка и как разозлится мама, если нас поймут за игрой с мальчиком, поэтому с самого начала Росс стал нашей тайной, а мы – его. Средь бела дня мы заходили в Зеркальную страну только по субботам после обеда, когда мама пылесосила и мыла полы, а бабушка закрывался в Машинном отсеке, и весь дом содрогался от воплей футбольных комментаторов. Росс перелезал из своей комнаты на крышу прачечной, открывал окно-люк и спрыгивал в Зеркальную страну.

Когда он проделал это впервые, я ужасно смутилась и долго не могла поднять взгляд. Помню, руки стали липкими от пота, а он посмотрел на нас карими, как болотный торф, глазами, криво усмехнулся и заявил: «Вы – одинаковые».

В отличие от меня, Эл вовсе не страдала застенчивостью. Она тут же вывалила на Росса кучу подробностей про нас: сколько нам лет, какой у нас размер обуви, что мы любим, а что нет, и что мы Зеркальные близнецы: редкие и очень особенные, двое на сто тысяч детей. Я и правда ревновала, завидовала ее уверенности в себе, хотела получать больше внимания нового знакомого...

Почти весь первый день мы провели с ковбоями. По субботам мы обычно упражнялись в рукопашной борьбе или в стрельбе по мишеням. Мама говорила, что мы должны уметь защищаться от грабителей и убийц детей, которые прячутся за дверями и крадутся в тени. Эл всегда стреляла гораздо лучше меня, и я вздохнула с облегчением, когда занятие закончилось раньше обычного, чтобы мы смогли помочь Россу сделать рогатку из ветки и резинки.

После этого я тихонько спряталась в самом большом вигваме – шатком каркасе из старых жердей с наброшенной сверху простыней. Вождь Красное Облако, сидевший скрестив ноги в набедренной повязке и головном уборе из перьев, едва удостоил меня взглядом. Индейцы племени лакота-сиу учили нас мастерить из садовых инструментов боевые дубинки и томагавки, показывали, как защищаться от ударов, ставя блоки, как делать захваты и как бить самим, но только не в те дни, которые мы проводили в компании ковбоев.

Я поздоровалась и села, делая вид, что вовсе не прячусь. На подушках напротив вождя развалилась, словно арабская принцесса, Белла. В ее волосах сверкали рубины и длинные серебряные клинки. Она улыбнулась и подмигнула. Из всех обитателей Зеркальной страны больше всего мне хотелось быть Беллой – невероятно красивой, необузданной и бесподобной. Сидевшая рядом с ней Энни фыркнула. Плевать она хотела на мои невзгоды. Как мне кажется теперь, она стала воплощением нашей убежденности в том, что все взрослые женщины подобны маме: суровые, вечно сердитые, внушающие страх. Энни не расставалась с двумя ирландскими пистолетами, от виска к уху у нее тянулся рваный шрам, и по храбрости она превосходила любого из пиратов на «Сатисфакции». Когда Энни стояла на палубе в высоких сапогах с пряжками и в куртке из воловьей кожи с пуговицами из китового уса, то наводила страх на всех без исключения. И она это знала. Энни усмехнулась и прошептала: «Ты просто трусишка!»

Мышка подтолкнула меня локтем и робко улыбнулась. Она подпоясывала веревкой свое черное платье из мешковины и неуклюже рисовала на нем мелом белые линии, имитируя полосы на наших с Эл ситцевых платицах. Мышка всегда пыталась подражать нам и во внешности, и в поведении, но была слишком покорной, слишком худенькой, коротко стриженной и темноволосой, как и все остальные матросы. Она мазала лицо белым клоунским гримом, красила щеки и губы розовым, как Белла. Мышка воплощала наши страхи и сомнения, мы доверяли ей свои секреты и тревоги, и она впитывала их, словно губка. Потом мы ее за это наказывали: игнорировали, передразнивали, заставляли пройти по доске или схлопотать пулю в Бумтауне. В Зеркальной стране наши фантазии становились неукротимыми и беспощадными. Мышка была нашей любимой пиньтой, нашей девочкой для битья. Однако в тот день она тихонько сидела в вигваме вождя Красное Облако, похлопывала меня по руке, совсем как бабушка, и в ее огромных голубых глазах светилось неподдельное сочувствие. «Все будет хорошо, Кэт. Я люблю тебя!»

Росс просунул голову и плечи в проем, и у меня перехватило дыхание.

«Классный вигвам, – одобрил он. – Сама построила?»

Приятнее всего была даже не его уверенность в том, что вигвам сделала я, а внимание. Он разговаривал только со мной, словно больше никого не существовало в целом свете. Конечно, Росс не успел побыть в Зеркальной стране достаточно долго для того, чтобы узнать как следует всех ее персонажей, но наверняка заметил за спиной нетерпеливо подпрыгивающую Эл, услышал раздраженный топот ее ног.

...Пару часов спустя, когда Росс собрался уходить и запрыгнул в окно-люк, Эл все еще злилась.

«Между прочим, Кэт боится высоты. – Она усмехнулась. – Иногда даже по лестнице спуститься не может!»

«Замолчи!» – крикнула я.

Росс лишь улыбнулся нам обеим.

«Я вернусь в следующую субботу, – пообещал он. – Не рассказывайте обо мне своей маме, не то она все испортит».

Складываю вторую страничку дневника и сую в карман рядом с первой. Спина болит, ноги ватные. Понятия не имею, сколько сейчас времени, но наверняка прошла уже пара часов с тех пор, как Росс поднялся к себе. Я все еще сижу за кухонным столом и предаюсь старым

воспоминаниям. Чего Эл от меня хочет? Что я должна вспомнить? В чем вообще смысл ее затей? Понятия не имею, почему эта охота за сокровищами так сильно отличается от тех, в которые мы пускались в детстве. Зачем она шлет мне по электронной почте подсказки, ведущие к обувным коробкам с мусором или к страничкам дневника, написанного более двадцати лет назад? При этом сама подевалась бог знает куда...

Наверное, дело в контроле. Потребность Эл контролировать все и вся была для нее жизненно необходима – как кислород. Она шлет мне подсказки вместо того, чтобы просто дать дневник, потому что для нее важно, когда именно я прочту ту или иную страничку и что именно найду. Теперь все ясно! Точнее, мне ясно только это, остальное вообще лишено всякого смысла... Впрочем, я не обязана играть по ее правилам.

Открываю ноутбук. Нажимаю «ответить», пока не передумала.

«Кто ты? Моя сестра пропала без вести. Если не скажешь, кто ты, я пойду в полицию!»

Ответ приходит так быстро, что я подпрыгиваю от неожиданности.

«Не ходи»

На этот раз я отвечаю без колебания.

«Чего ты хочешь?»

«Я знаю то, что ты заставила себя забыть

Он не хочет, чтобы ты это вспомнила

Не говори полиции. Не говори никому

Ты в опасности

Я могу тебе помочь»

«Да пошла ты, Эл! Я знаю, это ты. Прекрати! Ты должна вернуться. Хватит! Возвращайся».

Она не отвечает. Я долго сижу за столом, взбудораженная и злая. И вдруг в коридоре раздается шум. Встаю, медленно иду к двери и с опаской открываю, словно на пороге кто-то притаился и готов на меня броситься.

В коридоре пусто. Витражное окно темное-темное. Возле старого телефонного столика горит викторианская масляная лампа и бросает на паркет молочно-красные отсветы. Дом лязгает и стонет, словно спящий механизм, стены мерно вдыхают и выдыхают. Ловлю свое отражение в зеркале над телефонным столиком – стекло в пятнах от старости, по углам темнота. Лицо у меня белое, как у клоуна, и расчерчено уродливыми тенями. Снова раздается шум, и я замираю. Он низкий и пронзительный, словно вой ветра, запертого в тесном пространстве, и доносится из гостиной...

Крадусь по паркету на цыпочках. Поворачиваю ручку, открываю дверь. Она истошно скрипит, но Росс не поднимает взгляда. Он сидит на ковре перед камином и листает альбом со свадебными фотографиями. Меня Эл с Россом даже не пригласили...

В комнате тепло, две большие лампы от Тиффани заливают все золотистым светом. Помню, как дедушка каждый год привозил с фермы «Крейгиз» настоящую пихту, и весь декабрь она стояла в углу между камином и окном, сверкая гирляндами, роняя иглы, наполняя комнату запахами зимнего леса. В сочельник в ожидании полуночи мы с Эл слушали, как оглушительно тикают дедушкины часы, и с волнением следили за четырьмя бокалами хереса, стоявшими на бирюзовых плитках бара «Пуаро».

Наконец Росс поднимает взгляд и смотрит на меня. Лицо мокрое, глаза покраснели. Рядом с коленом – стакан и полупустая бутылка виски. Он протягивает ее мне, и я сажусь в старое кожаное кресло. Виски противный, мутно-коричневый и слишком крепкий. Впрочем, знакомое жжение и разливающееся по телу тепло – достаточная награда.

Росс смотрит на глянцевый снимок, на котором они с Эл стоят перед величественным зданием с греческими колоннами. Он одет в тартан клана Маколи, а Эл смотрится невероятно стильно в коротком атласном платье и красных туфлях на каблуках; волосы уложены в высокую, чуть небрежную прическу. Погода дождливая и ветреная, Росс пытается удержать большой зонт, и они жмутся друг к другу. Рука Эл лежит у Росса на груди, он обнимает ее за талию, и оба хохочут так, что смех звенит у меня в ушах. Красивое фото. Росс с трудом переворачивает страницу, пальцы его дрожат. Я не решаюсь подойти ближе, в сердце ворочается знакомая непрошенная боль. Она не похожа на то быстрое, горячее, мимолетное ощущение, которое я испытала, узнав, что Эл пропала без вести. Нет, это чувство глубинное, застарелое, очень давнее. Все равно что обнаружить дверь в Зеркальную страну... Единственное, чего я хочу, – чтобы оно ушло!

Росс издает ужасный сдавленный стон и разражается рыданиями. От его всхлипов у меня самой дерет горло, глаза печет. Наконец он поднимает взгляд, и я вздрагиваю от столь неприкрытого отчаяния.

– Господи, Кэт! Что я буду делать без нее?

Внезапно меня охватывает ярость. «Я кое-что знаю. Он не хочет, чтобы ты это вспомнила». Кого же Эл имела в виду, как не Росса?

Он рыдает, утирая щеки ребром ладони.

– Мне так страшно, Кэт! Я не знаю, что делать. Не знаю, как жить без нее! Смогу ли я продолжать...

– Перестань, Росс! Не смей так говорить, слышишь?

Внезапно вспоминаю другую субботу в вигваме вождя Красное Облако, через пару лет после первой. Мы с Россом сидели бок о бок, скрестив ноги. То ли в прятки играли, то ли Эл не разговаривала с нами обоими, что бывало нечасто.

Росс насупился.

«Ненавижу!»

«Кого?»

«Мою маму».

«Почему?» – Я пыталась скрыть волнение, потому что чувствовала: с Эл он это точно не обсуждал.

Росс пожал плечами и опустил голову.

«Она ненавидит и меня, и моего папу».

«Почему?»

Он долго молчал, потом нервно сглотнул.

«Однажды, когда папа ушел на работу, она сложила вещи в две сумки и сказала, что мы уезжаем. Мы перебрались сюда, и я пошел в другую школу. Она обещала, что я снова увижу папу и моих друзей, но мы все еще торчим здесь».

Он посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнуло нечто среднее между яростью и болью. Росса буквально трясло, и мне стало восхитительно страшно. Расхрабрившись, я коснулась его руки и ужасно обрадовалась, когда он стиснул мои пальцы в ответ.

«Сегодня папин день рождения. Я даже не знаю, где мы жили раньше! Мама не говорит, а сам я не помню. – По руке Росса покатила слеза и стекла по запястью. – Ненавижу ее!»

Он сжал мои пальцы так, что у меня защипало глаза, положил голову мне на плечо и зарыдал в голос.

Эл знает, как сильно Росс ее любит, и знает, как он умеет любить. Полностью, без остатка – Росс отдается весь во власть чувства. Неужели она намеренно заставляет его страдать? Неужели хочет его довести? Росс даже подумывает о самоубийстве – неважно, насколько серьезно... Нет, не верю! Эл – эгоистичная и легкомысленная, порой жестокая. Однако Росса она любит, я знаю. И никогда не пожелает смерти никому, неважно, насколько она зла, неважно, как сильно ей хочется его наказать...

И тут я обрываю себя на полумысли, сердце стучит, злость улечучивается. Потому что это неправда. Однажды она пожелала смерти одному человеку; точнее, мы обе пожелали...

– Прости! – Росс складывает губы в подобие улыбки. – Кэт, мне очень жаль! Я не хотел тебя обидеть. Вел себя, как последний придурок... Прости!

– Ничего страшного.

Его улыбка застывает, а потом и вовсе перестает быть улыбкой.

– Я так люблю ее! Не могу... Эх, какого черта! – Росс так яростно трет глаза, что меня передергивает. И именно его смущение, досада на свое горе заставляют меня подойти к нему. Эл не стоит таких слез и отчаяния!

– Росс, перестань! – Я встаю на колени с ним рядом, беру его лицо в ладони. Глаза красные, белки совсем не белые. Щеки небритые и мокрые от слез. Я нежно утираю их своими прохладными пальцами, и он опускает усталые веки, обмякает. Вспоминаю его кривую улыбку, свою радость всякий раз, когда Росс залезал через окно-люк и спрыгивал в наш мир.

И я действую, не задумываясь над последствиями, хотя знаю, что давно собиралась это сделать. Еще до того, как почувствовала знакомую застарелую боль. Я склоняюсь к Россу и прижимаюсь губами к его губам.

Он застывает, и я готова отпрянуть, притвориться, что просто промахнулась мимо щеки, но не могу, потому что хочу большего. Его запаха, неповторимого и непередаваемого, как и запах нашего дома, мне недостаточно. Прикосновения к коже, заросшей щетиной и мокрой от слез, тоже слишком мало. Мне нужно нечто большее.

И наконец я это получаю. Росс гладит меня по лицу, по волосам. Я прижимаюсь к нему крепче, и наш поцелуй перестает быть целомудренным. Его рот горяч и влажен. Мое сердце бьется так, что отдается в пальцах ног. Он издает то ли вздох, то ли стон, и я думаю: «Да! Да!»

Знакомое ощущение: все тот же трепет, все то же безумие. Оно сметает на своем пути все, включая доводы рассудка.

Росс приходит в себя первым. И сразу становится понятно, что он испытывает совсем другие чувства. Вскикивает, отшатывается и уносится прочь, едва не опрокинув стакан с виски. И только осознав, что дверь захлопнулась, что я стою на коленях посреди пустой комнаты, я сама ужасаюсь своему поступку.

Глава 8

john.smith120594@gmail.com

8 апреля 2018 года в 08:45

Re: ОН ЗНАЕТ

Входящие

Кому: Мне

ПОДСКАЗКА 3. НАРИСУЙ КЛОУНА, ЧТОБЫ ПРЕДУПРЕДИТЬ ЗУБНУЮ ФЕЮ

Отправлено с iPhone

* * *

Да ну тебя к черту, Эл! Я вовсе не собираюсь этого делать. Я не встану, не пойду в ванную, не буду ничего искать. Голова раскалывается, в желудке урчит, дыхание горячее, во рту – амбре после вчерашнего виски. Понятия не имею, сколько я выпила. Похоже, слишком много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.